

398(-11)

A - 89

Ա.Արսարյան
Շ.Յեղիսյան

ՀՈՐ
ՏՈՅԵՐԿՈՐԾ
ՐՈՇՏՈՒՆ

ACADEMIA
1930

398.6-11)

A-89

043 - 26/07/26



77
А. М. АРШАРУНИ и С. Л. ВЕЛЬТМАН

398(-11)

А-89



Э П О С СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
И ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ
МОТИВЫ



29 MAY 2014

Обложка по рис. худ. А. И. Блохина

1955 X-60

Ленинградский Областлит № 40185.

Зак. № 10394. Тираж 3000 экз.

2-я типогр. Транспечати

НКПС.—Ленингр.

Ул. Правды.

д. 15

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпос многонационального Советского Востока почти неизвестен и отчасти недоступен широкой читающей массе СССР. До сих пор не собраны и не записаны легенды, сказания и песни, созданные на Советском Востоке после Октябрьской революции. А в этих песнях и вообще в народном творчестве послеоктябрьского периода широкие трудящиеся массы национальных советских образований дают свою оценку политическим, экономическим и культурным мероприятиям Советской власти. Пока собрана незначительная часть этого важного, как в литературном, так и в политическом отношении материала, но и эта часть однако, русскому читателю недоступна. Чувствуется отсутствие работ, которые дали бы оценку народного творчества восточного эпоса, показали бы на примерах и образцах его новые формы, ознакомили бы русскую широкую читающую массу с восточным эпосом и его сдвигами, происшедшими благодаря Октябрю.

Необходимо систематическое собирание фактических материалов в этой области, коллективная и длительная обработка литературных образцов.

Настоящий очерк представляет собой пока лишь предварительную разведку в этом направлении. Он совершенно не претендует на полноту, тем более на законченное исследование. Мы только ставим вопрос о необходимости изучения и исследования эпоса Советского Востока.

Авторы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭПОС

Народное творчество Советского Востока занимает исключительное место не только по богатству поэтических образов, но и по тому своеобразному, разветвленному, в смысле красочности и колорита многообразию, которое отличает весь эпос многочисленных восточных национальностей Союза. Изучение этого вида художественного творчества, представляющего собою своеобразное сочетание литературных и музыкальных памятников, является сейчас в процессе культурного строительства нацреспублики не только задачей историко-литературного исследования *an und für sich*, но и одним из методов к выявлению социальных сдвигов, изменений во всем бытовом и религиозном укладе Старого и Нового Востока.

Дореволюционный и революционный эпос народов Востока — несмотря на сравнительно короткий период, отделяющий эти две эпохи народного художественного творчества — составляют два разных мира не только по всему идеологическому содержанию, но и по тому художественному оформлению, которое их отличает. Настоящая книга и имеет в виду выявить особенности этих двух эпосов с преобладающим акцентом на те послереволюционные образцы, в которых уже нашел отражение Новый Восток, в его послеоктябрьском оформлении. Культурное насле-

дие Востока в области народного эпоса настолько велико и его прошлое в этом смысле настолько богато, красочно и поучительно и при том настолько мало популяризовано в широких массах Союза, что его необходимо хотя в самых общих чертах проиллюстрировать как ту художественную традицию, которая послужила органическим звеном к возникновению нового, революционного эпоса. Прежде чем перейти к характеристике отдельных образцов, нелишне остановиться в нескольких словах на вопросе о том, кто является главным выразителем той творческой художественной мощи, которая обогатила дореволюционный и современный восточный эпос, т. е. какова роль в этой области широких масс и ее отдельных представителей. В этом смысле нам думается нелишне вспомнить ту формулировку, которая была дана наиболее видными исследователями русского народного эпоса: „Отстаивая древнейшие мифические основы нашего эпоса, писал В. Ф. Миллер („Русские былины, их сказители и исполнители“), повторяя туманные фразы о принадлежности его всему народу, исследователи 60 и 70-ых г.г. либо вовсе не ставили вопроса, кто были сказители дошедших до нас былин, либо отвечали на него неопределенными соображениями о всенародном творчестве, которые ничего не объясняют“. Отвергая долго господствующее утверждение, что народное творчество есть результат трудов, „совершаемых не замыслом и волею одного какого-либо человека, а инстинктом и силою целого народа“, историки русской литературы конкретно определили то место и роль, которую сыграли в сложении и развитии разного рода образцов народного эпоса целая плеяда профес-

сиональных сказителей, калик и скоморохов, попутно выявляя иногда и социальную принадлежность того или иного певца и сказителя, — но в общем социальный момент в русском народном эпосе выявлен его исследователями незначительными группами, без оценки той обстановки, в которой выросли различные виды народной словесности: так называемый богатырский эпос, песни, легенды и т. д., в которых отразились отдельные черты бытового и религиозного уклада. Огромный материал, который скопился в этой области, несмотря на многие историко-литературные исследования, остается в значительной мере и до сего времени сырым с точки зрения учета и анализа обстановки его зарождения.

История литературы оставила завуалированным и „скоморошеский“ народный эпос, культивировавшийся „скоморохами“, этими „веселыми людьми“, и вызывавший негодование в рядах разного рода радетелей народной „чистоты“ — напр., духовенства, требовавшего изгнания этих „бесовских песней“, в результате чего скоморошество, как известно, было постепенно пресечено, повидимому, как не совсем „соответствующий“ нравам того времени проводник идей.

Если проследить многочисленные образцы письменной и устной русской народной словесности, то можно, во всяком случае, констатировать, что в целом они развивались и обрабатывались в том социально-бытовом окружении, которое вряд ли способствовало росту народного эпоса в смысле выявления его связи с массами и отражения их подлинных настроений. Анализируя русскую народную словесность, один из ее исследователей,

проф. М. Сперанский („Русская устная словесность“, М., 1917 г.), отмечает, что „отрицательная сторона крепостного права не подлежит никакому сомнению по отношению к устной словесности. Крепостной крестьянин на все привык смотреть из рук барина, справляться как к этому относится барин“ и что „наличность крепостного уклада надо счесть одной из причин, которые способствовали быстрому вырождению былевой поэзии в тех местах, где она была, и отсутствие его — одной из причин более долговечного сохранения свободного творчества, в частности былины“. Эта точка зрения на влияние крепостного права, как нам кажется, нуждается в некоторых оговорках. С такой же убедительностью можно утверждать, что крепостной гнет должен был создать почву для поэзии „гнева и печали“. Если можно допустить, что крепостное право способствовало нарастанию „хлопских настроений“, то с неменьшей убедительностью можно утверждать, что оно должно было вызвать к жизни народную словесность с зачатками революционных моментов. И возможно, что такой народный эпос, зародившись, исчезал под опекой всякого рода охранителей. К этому следует добавить, что хранителями и проводниками народной словесности в массы были те всякого рода „сказители“, которые хотя и пользовались популярностью в определенных звеньях широких масс, но они в большей своей части являлись теми профессиональными певцами, слагателями и исполнителями народного эпоса, которые, выйдя из среды „степенного“ зажиточного крестьянства, добирались до царских хоромов и купеческих домов, где, часто варьируя основной материал народной словес-

ности, неизбежно приспособляли его к иной среде, иному классу. Так напр., В. Ф. Миллер отмечает, касаясь новгородского периода былинного эпоса, „что богатая городская жизнь, сношения с Западной Европой, широкое развитие торговли — все это представляло в Новгороде условия, благоприятствовавшие развитию класса профессиональных искусников, музыкантов, фигляров, плясунов для развлечения богатых горожан“. У другого автора мы находим указание, что некоторые из сказителей соединяют „свое умение петь былины с серьезными, полными уважения и почета, религиозными обязанностями, особенно у старообрядцев“. Таким образом мы видим, что обстановка зарождения и развития народного эпоса в царской России в значительной мере была связана по рукам и ногам, с одной стороны, обще-политическими условиями тогдашнего времени, требовавшего воспевания всякого рода „богаырей“, а с другой — и самым составом исполнителей и слагателей народной словесности, которые вряд ли всегда могли считаться выразителями бедноты. Условия развития народного эпоса были таковы, что часто исследователи не имели перед собой и соответствующего материала вследствие того, что, напр., „у нас в течение ряда лет принимались все меры, чтобы помешать развитию малорусской народности. Причины эти политического характера и касаться их не наше дело“. (М. Сперанский, „Русская устная словесность“.) Однообразие в архигектонике, а часто и в самом основном сюжете русской письменной и народной словесности в самых позднейших формах, напр., в исторических песнях, как нам кажется, объясняется отчасти и тем, что весь наш народный эпос не

был органически связан со всей русской художественной литературой, не находился с ней во взаимном обмене, хотя целый ряд поэтов и использовали народные мотивы, и это в значительной мере объясняется незнанием масс с национальными гениями, которые заставили Некрасова мечтать о том времени —

Когда мужик не Блюхера и не Милорда глупого, —
Белинского и Гоголя с базара понесет...

Русский народный эпос отчасти рос в окружении тех сторонних влияний, которые объяснялись всякого рода завоеваниями и нашествиями и в нем именно и оказалось много того наносного, восточного элемента, который к огорчению многих русских „патриотов“ был открыт одним из известнейших литературных критиков и искусствоведов В. В. Стасовым. Он почти отрицал самобытность русского былинного эпоса, не находя в нем ничего самостоятельного, утверждая, что все былины представляют собою заимствования из сказок восточных народов, стоящих на низкой ступени развития и только еще переходящих от кочевого быта к быту более оседлых.

„Убедиться в том, писал В. В. Стасов („Вестник Европы“, 1868 г., „Происхождение русских былин“), что наши былины не заключают в коренной основе своей никаких действительных „былей“, значит в то же время убедиться, что они в этой коренной основе своей не заключают ничего и русского. То, что никогда и нигде не случилось, потому что создано творческою или художественною фантазией — не могло, значит, случиться и у нас...

„Еще слишком мало с патриотическим, впрочем очень похвальным, чувством благоговей перед ду-

хом, характером и оригинальными, самостоятельно-национальными личностями наших былин. Надо подробным разбором подтвердить, что этот дух, этот характер, эти личности — действительно наши, что они выражают дух, характер и личности именно нашего, а не какого-нибудь другого народа. Надо определить, что именно привнес сам народ, своего особенного, к чуждой первоначальной основе, надо доказать объем и значение этих новых, национальных сокровищ народного творчества, а потом уже решать, что чужеземный, основной скелет ровно ничего не значит и затеривается в массе нового материала и самостоятельной его обработки.

„Одним словом — надо наперед доказать национальность подробностей, личностей и характеров в русских былинах.

„До тех же пор, никто из нас не имеет права выходить за пределы добытого сравнительным изучением вывода, что у русских былин происхождение вовсе не русское.

„Рассматривая былины, мы убеждались, что каждая из них имеет величайшее сходство с несколькими подобными же пересказами разных восточных народов. Значит, напрасно было бы отыскивать в богатырях, главных действующих лицах наших былин, следы и характеристики тех личностей, чьи имена они носят и которые нам известны из исторических наших памятников. Наши богатыри не что иное, как носители разнообразных мифов, легенд и сказок древнего Востока, измененных до известной степени в содержании и характере своем, но приуроченных, в более или менее объемистом составе, к известным личностям с русскими именами.

В князе Владимире наших былин нечего искать действительного князя Владимира, крестившего Русь и упоминаемого византийскими историками и русскими летописями, коль скоро в том, что былины рассказывают про этого князя Владимира, нет ничего из всего того, что говорено в исторических памятниках, а есть совсем другое, именно: множество самых разнообразных вещей, приписываемых то царю Кей-каусу Шах Намэ, то царю Асоке Записок о западных странах, то брахману Вишпусвами и царю Калингадатте Сборника Сомадэвы, то мудрецу Сандипани Гариванзы, то князю Богдо-Джангару Джангариады и т. д.

В лице княгини Апраксии наших былин нечего искать действительной жены князя Владимира, когда в ней видны зараз и персидская царица Судабэ из Шах-Наме, и брахманка Каларатри Сомадэвы, и индийская царица Падмавати, жена царя Асоки, и царица Виндумати, и т. д. Тоже самое надо сказать и про Добрыню, в котором живут вместе Кришна, Рама, Адржуна, разные киргизские и сибирские богатыри; и про Садку, о котором рассказывается точь-в-точь тоже самое, что про царя Яду, брахмана Джинпа-Ченпо, купца Пурну, и т. д.

ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ЭПОСА

Это историко-литературное сопоставление дореволюционного русского и восточного народного эпоса может быть дополнено некоторой сравнительной характеристикой, которая по нашему мнению свидетельствует о том, что народный эпос Востока несомненно имел за собой более высокую художественную культуру, чем русский эпос, был

больше связан с своей национальной художественной литературой и с литературой других восточных народов и имел тех сказателей, певцов слагателей-ашугов, бахши, гифизов и т. д., которые нередко представляли из себя высокоодаренные индивидуальности с совершенно определенно выраженным поэтическим лицом. С этой точки зрения чрезвычайно любопытны те стилизованные образцы народной восточной поэзии, которые были обработаны В. Брюсовым и другими поэтами в сборнике „Поэзия Армении“.

Характеризуя народных певцов конца XVII — начала XVIII в.в., „подхвативших традиции средневековой армянской лирики и поведшей ее дальше по новым путям“, В. Брюсов говорит, что „певцом, вознесшим поэзию ашугов на недостижимую высоту, был Саят Нова“, который „превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта“. Таким образом, мы видим, что исследователь восточного армянского народного эпоса, правда, представляющего собою народную словесность одного из наиболее культурных восточных народов, сразу сталкивается с тем видом народного творчества, которое получило свое художественное завершение в лице выдающихся художников слова.

Уголиво, народный раб, служить ступай, Саят-Нова.
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова.
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова.
Тупицу в школу помести, — от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким; от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь, кривуль не выпрямай,
Саят-Нова.

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей
ночных,
Погубит злое дело — все: чти жития людей святых.

Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилей лесных,
И свиньям лалл и жемчуг ты бросаешь, Саят-Нова.

Там — радость свадьбы, там печаль, там — пир и песнопенье — там,

Там — двое любящих в саду, в церквях богослуженье — там;
Коль волю духа ты творишь, не может быть и тленья там:
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова.

Народный дореволюционный армянский эпос, выраженный в поэзии Саят-Нова, вызвал к жизни множество последователей и подражателей. Значительными в смысле поэтической архитектоники, художественного ритма и философского раздумья над тем, „что ничтожен мир и все ничтожно“, свойственного многим восточным поэтам, являются стихи Дживани:

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь. Что бег минут: придут — уйдут.

Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь на час: придут — уйдут.

Как сонм гостей, за рядом ряд, они спуют: придут — уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен, Как караваны, что под звон в степи идут: придут — уйдут.

Мир — сад, и люди в нем цветы, но много в нем увидишь ты: придут — уйдут.

Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут: придут — уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись, итак, ты, слабый, не грусти.

События должны итти, творя свой суд: придут — уйдут.

Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах свой палящий свет.

И тучи на восток спеша, плывут, бегут: придут — уйдут.

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра, нежна; Но диких бродят племена, они живут: придут — уйдут...

Весь мир: гостиница Дживан, а люди — зыбкий караван. И все идет своей чредой: любовь и труд, — придут — уйдут.

Народная армянская словесность не однородна по содержанию: в ней с одной стороны имеется как будто тот скепсис, которым так богата персидская лирика Омар Хейяма, Гафиза и др., с другой стороны полное восприятие действительности с песнопением богу, царям и т. п. и в этом смысле она стоит на уровне тех народных образцов XVII—XVIII в.в., которые мы находим и у других восточных народов, но ее отличает исключительная мелодичность в архитектонике письма, звуковые сочетания, полнокровно отражающие здоровое и мощное ядро национального художественного творчества, и с этой точки зрения несомненно в армянском народном эпосе можно более четко уловить связь между ашугом и массой, чем между такой же массой и, напр., русскими сказителями. Здесь нет той бесстрастной, повествовательной формы в передаче народного сказания, которая часто ощущается в некоторых образцах нашего народного эпоса, в значительной мере слагавшихся теми же сказителями. Отсюда можно и объяснить то обстоятельство, что, напр., у армян выросли народные произведения, относимые историками литературы еще к XI—XII в.в., как, напр., поэма „Давид Сасунский“ (см. ст. проф. Халатянца, сборник „Братская помощь армянам, пострадавшим в Турции“), в которых народ отводит особо почетное место ашугу, как человеку, воспевающему то, что этот народ считает для себя наиболее близким. Кроме того знакомство с эпосом Востока убеждает в правильности сделанного В. В. Стасовым указания, что в эпосе Востока народ, как таковой, играет значительно большую роль, чем, напр., в русском народном эпосе.



Если взять хотя бы ту же поэму „Давид Сасунский“, которая по характеру литературного изложения и по самому сюжету напоминает образцы русского богатырского эпоса с повествованием подвигов всякого рода царей и халифов, то здесь вы видите именно то, чего нет в русской народной словесности: вмешательство толпы в ход действия и участие ее в разрешении того или иного спора. Кроме того, в этой поэме, напр., можно констатировать одновременно с гимнами богу наличие той религиозной „вольности“, которой часто заполнена персидская поэзия.

„Санасар жил в Сасуне. Отцовские идолы не дают ему покоя; потому взял, собрался к своему отцу и матери и поехал в Багдад. Отец его сидел у окна, видит — идет сын его Санасар: узнал его и сказал: „О, велик ты, бог мой. Как ты призлек сюда свою жертву? Должно быть скоро и другую приведешь силою“.

Мать, — а она была поклонница креста, — начала плакать и обливаться слезами по детям своим. Отец взял вострый меч, вышел, подозвал (сына) и сказал: „Пойдем, сын (мой), поклонись великому богу; я хочу тебя принести ему в жертву“.

Сын сказал: „Батюшка, твой великий бог — зело чудесный бог: даже по ночам не давал нам покоя; должно быть скоро и другую свою жертву силою приведет“.

Отец взял с собою сына, и оба вошли в кумирню. Сын сказал отцу: „Батюшка, ведь ты знаешь, что мы ушли (из дому) еще ребятами: мы не знали силы твоего бога. Ну-ка, ты прежде поклонись, да поклонись богу твоему; я посмотрю, как ты сделаешь, и сам сделаю то же“.

Отец сказал: „Вот так, сын (мой)“, — и, нагнувшись, поклонился.

Сын сказал: „Батюшка, что за чудесный бог — твой бог. Когда ты нагнулся, в глазах у меня потемнело, и я не заметил — как это ты сделал“. (Он не успел в первый раз ударить: пуговицы кафтана не расстегнулись.)

Сказал: „Тятя, тятя, поклонись-ка еще раз, посмотрю, как это ты делаешь, чтобы и мне сделать то же.“

Когда же во второй раз нагнулся отец, сын воскликнул: „Хлеб да вино — жив Господь!“ — хватил булавой и на семь аршин в землю вогнал отца своего, халифа. Взял булаву и бросился на идолов и давай их разбивать, — всех перебил, взял набрал себе серебра в полу кафтана, принес, отдал матери и сказал: „Матушка, вот тебе на украшение“.

Мать пала ниц, поклонилась ему и сказала: „Благодарю тебя, Творец неба и земли; хорошо, что ты избавил нас от рук этого жестокого человека“.

Она взяла, женила Санасара и посадила на престол вместо отца. Этот останется тут“.

Армянская легенда о Давиде Сасунском известна в бесчисленных вариантах. Мы пользуемся вариантом, переведенным в свое время профессором Халатянцем на русский язык. Эту легенду литературно обработал крупный армянский поэт Ованес Туманян в поэму „Сасунци Давид“. В армянских исследованиях мы находим указания, согласно которым устанавливается связь между индусским и армянским эпосами, в частности по Давиду Сасунскому. Не углубляясь в детали, мы хотим отметить одно на наш взгляд интересное обстоятельство. Легенда Давида Сасунского имеет

нечто родственное с германским эпосом, в частности с легендой о Нибелунгах. У немцев Зигмунд, легендарный герой, свой меч—Нотунг посредством Вотана воткнул в ствол дерева, у армян—Мгер посредством своего брата Ценов Огана прячет свой меч, Сур-Кецакин. У германцев только сын Зигмунда—Зигфрид способен достать меч своего отца и им поразить дракона Фафнера; у армян—лишь сын Мгера—Давид Сасунский мог пользоваться мечом отца по борьбе с Мерамеликом¹. И т. д.

Народная армянская поэзия в ее истоках, как мы уже отметили выше, имеет ряд разветвлений в сюжетном отношении, воспевание подвигов разного рода завоевателей, гимн любви, религиозные моменты, размышления о тленности земного бытия и т. д., которые все таки в тематическом отношении упираются приблизительно в такой же материал, как и наш народный эпос. Он воспекает и тех же героев в иной формации, но в нем этот материал оживает в окружении всего того восточного фольклора, который традиционно в художественной преемственности варьируется и обогащается взаимодействием наследием всей художественной литературы различных восточных народов.

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Мы не можем здесь не задержаться на одном особо важном моменте. Это—труд в армянской народной поэзии. На эту сторону вопроса обратил внимание в армянской литературе Х. Самуелян, который в двух своих исследованиях разо-

¹ Ср. Richard Wagner: Siegfried.

брал проблему труда в армянских народных песнях. В первый раз в 1908—9 г.г. в журнале „Гехарвест“ Х. Самуелян сделал попытки анализа армянских трудовых песен с точки зрения их ритма, а в 1927 г. в газете „Мартакоч“—со стороны их социальной сущности. Труд Самуеляна, являющийся единственным пока в этой области, заслуживает сугубого внимания.

Песня о труде, пишет Х. Самуелян, в армянском народе за редким исключением остается в рамках сельского хозяйства. Там, где до последнего времени господствовало натуральное хозяйство, где по сей день основное занятие населения составляет земледелие со всеми своими разветвлениями, естественно, что в народных песнях нашли свое отражение исключительно те производственные отношения, которые господствовали в отсталом хозяйстве.

В хозяйственной жизни армянских трудовых масс классом-производителем было, главным образом, крестьянство, которое угнеталось со стороны крупных землевладельцев: духовных и светских, торгового капитала, деревенских кулаков и ростовщиков. В этой своеобразной социальной обстановке и бытовых особенностях, народное творчество трудового армянского крестьянства носило свой особый отпечаток.

Трудовые песни, в которых так рельефно отражен ритм хозяйственных процессов, своим содержанием органически связаны с формами труда армянского крестьянства. Пережитки патриархального быта, остатки натурального хозяйства, социальные и семейные отношения создают колорит армянских трудовых песен, а экстенсивное сельское хозяйство со своим архаическим способом произ-

водства и методами борьбы с природой — основу трудовых песен.

Земледелие занимает исключительное место в сельском хозяйстве и вообще хозяйственной жизни Армении. Естественно, что аграрные отношения занимают существенное место в классовой борьбе в Армении. Трудовой крестьянин Армении, обрабатывая свою землю методами, известными еще Страбону и Геродоту, применяя во время своих трудовых процессов несложное самодельное орудие производства, всегда был зависим в значительной мере от природных условий. Его борьба с природой не всегда кончалась победой над нею. Природа господствовала над ним. В этих условиях трудовой крестьянин Армении обожествлял и называл божественным все то, что благоприятствует или способствует ему в его борьбе с природой. Так, например, армянский крестьянин в своих песнях „Гутан“ (соха) называет „богом созданный“. В одной крестьянской песне Лорийских армян, отмечающей это качество гутана, говорится, что едва ли где можно найти второй экземпляр. Армянский гутан отличается своей неподвижностью, громоздкостью. Чтобы выйти на полевые работы, запрягают к гутану 7—8 пар быков или буйволов. Только зажиточные крестьяне и кулаки могли иметь такое громоздкое орудие производства. Поэтому, полевые работы с гутаном производились коллективно. В коллективе принимали участие 7—8 крестьянских семейств со своим скотом и рабочей силой. Каждая семья представляла одну, максимум две пары рабочего скота. Эта форма коллективной обработки земли армянским трудовым хозяйством отобразилась в огромном количестве трудовых

песен. И это почти во всех армянских районах. Эта серия народных песен в армянском устном творчестве называется „оровел“.

Центральной фигурой в оровелах является мачкал, руководитель всей коллективной работой. Он дает направление, директивы во время полевых работ. Ему же принадлежат первые слова оровела. Коллектив обращается к мачкалу с просьбой начать оровел. Он не только тянет оровел, но и не забывает свои обязанности:

Тяни мой бык, тяни—отах,
Я жертвую вам свою жизнь;
День на исходе,
Отах—голоден.

Конечно, в трудовых песнях армян не умаляется значение рабочего скота. Наоборот. В оровелах значительное место занимает буйвол. Трудовой крестьянин Армении в своих песнях восхваляет своего сотоварища, ласкает его, выражает свою любовь и жалуется ему на свою судьбу, на эксплуататоров. Трудовой крестьянин Армении, не имея иных статей дохода, кроме земледелия, не был в состоянии покрывать расходную часть своего бюджета, продукта своего труда в сельском хозяйстве. Государственные и арендные подати и налоги, церковные взносы, и целый ряд других обложений пожирала большую часть годового урожая. Вечная нужда и нищета, долги и угрозы со стороны ростовщиков и эксплуататоров создавали в народном творчестве мотивы, в которых землепашец обращается к своему другу буйволу, называет всех эксплуататоров общим словом „душман“ (враг). Он с проклятием вспоминает в своих песнях о душманах. Не может забыть о них.

Существует также цикл песен в народном творчестве Армении, посвященный покосу. Мы на них не будем останавливаться. Отметим лишь, что как по настроениям, так и по ритму, трудовые песни армянского земледельца не одинаковы. Более грустны, меланхоличны песни посева, дышат бодростью песни покоса. Это вполне естественно. К осени после каторжного труда, целого ряда природных неожиданностей, трудовой крестьянин подходит к моменту уборки хлеба. Он весел, может даже позволить себе шутки, вспоминать свою возлюбленную. Этими мотивами полна серия трудовых песен о покосе.

Среди трудовых песен в армянской народной поэзии следует отметить песни о чахараке, т. е. о кустарном станке, на котором армянка прядет свою пряжу. В армянском эпосе этот вид песни в художественном отношении чрезвычайно богат, силен своей эмоцией. Неоднократно армянские поэты пользовались народными мотивами для своего творчества. Армянка-крестьянка работает у чахарак сидя. Этот труд ежедневно отнимает у нее несколько часов времени. Она может сосредоточиться, передать свои думы в песнях:

Ты лекарство для бедноты, чахарак,
Драгоценный камень, чахарак,
Покровитель бездомных, чахарак,
Отец сирот, чахарак,
Надежда бедняка, чахарак.
Нагруженные дроги, чахарак,
Голосистый ашуг, чахарак,
Мое горе поющий, чахарак,
Подтягивай мою песню, чахарак,
Помоги моему горю, чахарак.

Труженица знает, что другом и помощником в ее безвыходном положении является только чахарак.

Она не скупа в эпитетах. Как мы видели, монотонные звуки чахарак она сравнивает с песней ашуга.

Так изо дня в день, сидя перед своим станком-чахарак, армянка-труженица, работает, готовит пряжу, чтоб приготовить грубую шерстяную ткань. Работает до усталости, до упадка сил, одновременно с этим она поет:

Звонкий чахарак, пряди, пряди.
Давно уж хочется мне спать.
Мой возлюбленный находится в горах, в ущельи.
Мог ли я спать?

Совершенно другой темп, иной характер и содержание имеют песни о „хюци“. Эти песни отличаются бодростью, характером тематики. В этих песнях нет жалобы о бедности, нет грустных мотивов. Темп песен о хюци легкий:

Красное солнце озарило вершины гор,
Паломники двинулись в путь,
Ибо этот год урожайный,
Ибо много пшеницы и ячменя.

Мы не будем останавливаться на других видах трудовых песен армян. Крестьянская жизнь без труда немыслима. Начиная с детских лет, земледелец при чрезвычайно сложных условиях борьбы с одной стороны с природой, с другой — со всеми видами эксплуататоров, сталкивается с железным законом необходимости труда. Во всех семейных и общественных более или менее значительных моментах, когда поются песни, то труд и орудия труда не могут отсутствовать; даже в лирике, где казалось бы проблема труда должна занимать лишь второстепенное место, мы находим большое коли-

чество любовных песен, в которых труд занимает доминирующее место. Приведем лишь один образец:

В поле работало два гутана,
Светлая девушка несет обед;
Волосы светлой девушки
С ума сводят молодца.

В этих любовных песнях мы не редко встречаем известные термины: гутан, мацкал, зерно, поле, рабочий скот и т. д.

Народное творчество и песни вообще в жизни народов Востока имеют несомненно большее значение, нежели в жизни русского крестьянина. Это неоспоримый факт.

Крестьянский труд чрезвычайно тяжел. Он всегда бывает зависим от природных условий, в силу своей экстенсивности. Он требует огромного количества энергии, напряжения сил. Если прибавить к этому еще и то, что львиная доля крестьянского труда уходит впустую, и примем во внимание то весьма закабаленное положение трудового крестьянства, то приходим к выводу, что трудовой землепашец ни во время работы, ни во время отдыха, не может забыть свое тяжелое материальное положение. Песня отвлекает землепашца во время работы от тяжелых, порой кошмарных дум. Песня дает новую зарядку, новый темп работы. Песня некоторым образом успокаивает его.

Неизбежно возникает вопрос: не мешает ли песня работе, труду? Ведь для песни не только надо иметь время, но и уделять некоторое внимание, что означает отвлекаться от основного занятия. Если бы речь шла о труде фабрично-заводского рабочего, тем более рационализированной промышленности, то естественно, что этот вопрос мог бы

быть не только уместным, но и неизбежным. Всякое отвлечение там приведет к упадку производительности труда, следовательно, к тормазу производства. Это положение, хотя и не в такой мере, относится и к интенсивному сельскому хозяйству, где применяются машины, трактор. Не надо забывать, что речь идет о народной песне, созданной в течение веков там, где до Октябрьской революции (да, пожалуй, до сих пор во многих районах) машина была неизвестностью, а основное занятие коренного населения — экстенсивное сельское хозяйство. Работа с серпом, косой, сохой и подобными орудиями производства сельского хозяйства так затянута, медленна, что песня землепашца не только не тормозит труд, а наоборот является как бы разделом этого труда. Об этом говорят пастушеские песни, трудовые мотивы земледельческих районов, все устное творчество народов Советского Востока.

Октябрьская революция обогатила культурное наследство национальностей Союза не только тем, что создала почву для появления новой художественной литературы, музыки и т. д.; она выявила наружу и то прошлое из области художественного творчества народов Востока, которое до сего времени оставалось неисследованным или изучалось отдельными клочками, как какой-то придаток к общему культурному богатству дореволюционного прошлого. Достаточно указать, что в Казахстане и Киргизии до сего времени было записано и опубликовано свыше 1000 образцов народных песен (работа т. Затаевича), издан основательнейший труд В. Успенского и В. Беляева по вопросу о туркменской музыке, А. П. Поцелуевского о турк-

менских песнях, специальные исследования по вопросам о дагестанских песнях и т. д. Такого рода исследования в области творчества народов Союза неразрывно должны быть увязаны с изучением до-революционного и революционного периодов: культурная революция национальностей Союза часто вырастает в неодинаковой обстановке при условии тех или иных наслоений, связанных с проявлением прошлого наследства, и с этой точки зрения изучение художественного творчества в прошлом совершенно необходимо для увязки с его настоящим, сегодняшним обликом.

История литературы уже издавна по отдельным образцам отличала исключительное богатство народного эпоса национальностей казакско-киргизских степей. Так, напр., один из литературоведов, характеризуя киргизский эпос, указывал, „что здесь можно было бы набрать гамму самых разнообразных психических движений и настроений“, и что песни киргиз „без всякого сомнения должны считаться самыми художественными и самыми поэтическими произведениями между всеми подобными же созданиями тюркских племен“; при чем особое внимание историков литературы в этом смысле обращала на себя поэма „Коза-Корпеч“, как содержащая „самое большое количество разнообразнейших психических движений и мотивов“. Эта поэма, как известно, имеет несколько вариантов. Переработка этой поэмы умершим сибирским поэтом Георгием Тверитиным свидетельствует об исключительных богатствах художественного эпоса народов Советского Востока.

Примитивная фабула о похищении девушки не-любимым мужчиной и мечта о защите любимым

женихом, развернутая в целый ряд исключительных по тонкой отделке, лирической насыщенности, многообразию переживаний, связанных отдельными колоритными сценами, превращают это произведение в образец большого мастерства. Некоторые образцы здесь настолько ярки, подвижны и конкретны в своих очертаниях, что вы их почти физически ощущаете.

1

Если ветер, с гор слетая,
Замутит в Балхаше воду,
Зашумит ли, забушует,
В побережьях Ала-Куля,
Ты прислушайся, прохожий,
Сказку он тебе расскажет:
О прекрасной нежной травке,
О Баян-Слу несчастной,
Что была нежна, как голубь,
Что любить и мстить умела.

2

Он расскажет о джигите,
Молодце Козы-Корпече,
Храбром сыне вольной степи,
Что любил Баян безмерно;
Да еще о Кодар-Куле,
Гордом, злобном и хвастливом,
Что убил Козы-Корпечу,
И неправдой, и изменой,
Что Баян-Слу пытался
Взять себе насильно в жены.

3

Если ветер тих, спокоен,
Серебра озер не пенит,
И играет камышами
Прибрежными беспечно, —
Он расскажет, как любился,

Больше жизни, больше степи,
Предназначенного роком,
Жениха Баян невеста;
Как искать ее он ехал,
Не страшась невзгод попугных.

4

Если ветер зол и буен,
Если волны круто пенит,
Камыши вокруг ломает
Прибрежные сурово,—
Он расскажет, как отмстила
Черноглазая Кодару
За свое девичье сердце,
За разбитые надежды;
Как отмстила горькой мстью
Больно раненого сердца.

5

Все равно,—какой бы ни был
Ветер,—тихий или буйный,
Целовать ли будет волны,
Иль свирепо станет пенить,
Ты его послушай сказку,
Про любовь и месть послушай,
А в Кызыл-Кия приедешь,
Где могила их под камнем,
Поклонись их юным душам,
Помолись за них Аллаху.

Эта поэма, которую Г. Н. Потанин в своем труде „Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе“ сравнивал со сказанием о вещем Олеге, помимо громадной ценности в смысле изучения характера литературного построения некоторых образцов народного творчества восточных национальностей Союза, — представляет большой интерес как литературный памятник, отражающий кочевой быт казакского народа, хозяйственный

уклад, домашний быт, религиозные верования и т. д. Поэма построена на рассказе о том, как два „знатных бия“, табуны которых „на просторах трав безбрежных разбросались бесконечно“ — сговорились, что, если у них родятся сын и дочь, то они должны с детства считаться уже женихом и невестой, но вскоре один из заключивших это соглашение свалился с лошади и погиб; сын его рос, не зная об уговоре, а один из оставшихся в живых биев Сары-бай приютил у себя бедного слепого калмыка с сыном и мальчик, впоследствии превратился в „домового джигита“, унаследовав все богатство старика и стал грозным Кодаром, — соперником Козы-Корпеч, который при самом рождении был намечен в женихи Баян-Слу. Здесь очень любопытно, что легенда не стала на защиту безродного Кодара, о котором она повествует в начале, как о „беспомощном и слабом мальчике“, а, наоборот, создатели этой поэмы все краски использовали для того, чтобы представить Кодара в самом непривлекательном виде; они говорят о нем как о „степном беркуте“, хвастливом и злом, при чем поэма как бы игнорирует его „джигитство“, удаль и силу, негодуя по поводу того, что он подкупом и калымом стремился убедить Баян-Слу стать его женой и позабыть о Коза Корпеч. В этой поэме романтика увязана с реалистическими деталями быта — характером построения юрт, описанием ковра, с акцентом на роль степи в жизни киргиза, при чем гимн удалы и свободе ограничен чувством долга, принятых на себя обязательств и т. д. Именно поэтому, безродный калмык не встречается здесь сочувствия: легенда не может простить этому „степному беркуту“ нарушения тех традиций, кото-

рые связаны со всем здешним укладом, и поэтому его песнь—

Мы, орлы, не знаем страха.
Нож да конь нам нужен.
Кто желает жить спокойно—
Будь с Кодаром дружен,

не находит отклика в народной молве и она наделяет его эпитетами „злой“, „гордый“ и пр.

Не встречает сочувствия и мать Баян-Слу, которая пыталась нарушить уговор и советует дочери позабыть о Коза-Корпеч:

Ах, трава моя, тосклива я,
Ах, цветы, я вся в огне...
И любима, и красива я,
Отчего же грустно мне?
Все лежу, и думаю: думаю:
Где же ты, Коза-Корпеч?
Солнце ясное, тоску мою
В сотню лет тебе не сжечь.
Ах ты, мать родная, старая,
Не исполню твой завет,
Не могу любить Кодара я,
Быть с ним нежной—мочи нет.
Вам, цветы мои, трава моя,
О тоске моей пою.
Вас, листки, слезами вымою,
Как росую окроплю.

„Коза-Корпеч“ изобилует рядом моментов, свидетельствующих, что в недрах народного эпоса казакских степей издавна наряду с наивной верой, примитивными представлениями, религиозными пред-
рассудками, выросла и тот народный юмор, анализирующий сарказм, которые постепенно культивировали в массе отказ от многого, что было нанесено веками, и подготавливали ее к более критическому отношению к окружающей действительности.

Жил на свете раз султан,
Подшутил над ним шайтан:
У султана Бен-ага
Выросли рога.
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...

Он рога свои скрывал,
А цырюльник, чтоб молчал,
Как окончит брить—
Дан приказ казнить...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...

Раз цырюльник был умен
И сказал султану он:
— Господин мой, Бен-ага,
Срежу дай рога.
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...

Раз цырюльник был умен
И сказал султану он:
— Господин мой, Бен-ага,
Срежу дай рога.
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...
Тут султан покорно лег,
А цырюльник с места скок.
Бритвой горло полоснул,
Тот и не мигнул.
Ой-б ой-бой, ой-бой-бой-ой...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...

А цырюльник звал народ:
— „Ваш султан рогат, как скот“.
Вот как Бен-ага
Удалил рога...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой...

Этот здоровый юмор, соединенный с вековым житейским опытом, обогатил между прочим народный эпос Средней Азии—чрезвычайно ценным,

меткими и остроумными поговорками и пословицами, — в которых нередко низвергаются, казалось, не поддающиеся искоренению вековые представления и предрассудки.

ПОЭЗИЯ СТЕПЕЙ И ПЕСКОВ

Поэзия Средне-Азиатской степи, несмотря на свой основной „любовный“ лейтмотив, очень часто носит, если можно так выразиться, прикладной характер: перед героем романтических приключений народный замысел часто ставит задачу преодолеть те трудности, на которые обречена степь, с ее безводными пространствами, с ее постоянным принудительным переселением и т. п.

Ты возьми в степи безводной
По дорогам, по проезжам,
Накопай везде колодезь,
Многоводных и глу оких,
Чтобы мог прохожий путник
В летний зной воды напиться,
Чтобы мог джигит проезжий
Напоить коня в дороге.
Будет любо нам с тобою,
Если нас добром помянут.

Мы находим в этом творчестве часто выпуклые отражения родового строя, охотничьего быта, земледельческого уклада и т. д.

Мы уже отмечали, что одной из черт народного эпоса Советского Востока является участие в описываемых действиях самой массы; сюжет в до революционной восточной народной словесности развивается при значительно более активном участии народа, чем в русском народном эпосе, где, как отмечал ряд историков литературы, масса почти

совершенно отсутствует, особенно в былинах, героями которых обычно являются: князь-богатырь, его дружина и т. д. В соответствующей литературе указывалось, напр., что в целом ряде киргизских песен народ угрожает хану перекочевать к другому племени, если не будут выполнены его требования. Правда, эти вольности, обычно, в этой народной словесности весьма мизерного масштаба, но они все же говорят, что в основе этого эпоса уже были заложены какие-то массовые настроения, которые, с одной стороны, питали изнутри самое зерно народного творчества, обогащая его многообразием движений, разнохарактерностью фигур, а с другой стороны — содействовали нарастанию социальных моментов.

Эти моменты в дореволюционном народном творчестве Средней Азии не приобрели достаточной четкости и входят незначительным элементом в общее содержание песен, легенд, сказок и т. п., но все же здесь уже в целом ряде образцов, которые по своему характеру относятся к категории „любовного“, „воинственного“ исторического эпоса, мы наталкиваемся на мотивы, отражающие, в некоторой степени, социально-политическую обстановку эпохи, напр., в некоторых стихах Зелили и Сеиди — поэтов конца XVIII и начала XIX в.в. В одном стихотворении поэт Сеиди описывает земледельческий быт туркмен под властью бухарских ханов и разорение их бухарскими войсками:¹

Я с мотыгой, других кормя, надрывался,
Душу родине отдал на трудном пути,
Под ярмом бухарских хераджей сгубался,
Ты остался, замученный край мой, — прости.

¹ См. ст. Н. Брюлловой-Шаскольской, журнал „Нов. Восток“, № 25—27.

Помню башенный двор и гостей наших милых,
Здесь сгорела душа — ей вновь не двести,
Кучка подых предателей все погубила,
Двор раскрыл теперь пасти ворот,—прости,
Даже силы иссякли, чтоб крикнуть проклятье,
Сколько зим, сколько весен успело пройти,
Но стоит наша роща в сияющем платье,
Воду пьет из Аму, как и прежде,—прости.
Бедный люд днем и ночью искал защиты,
Но за взятку изменник продал свой край.
Дикий финик, кривой, на равнине открытой,
Ты остался в далеком тумане, прошей.

Другая песня, принадлежащая Зелили, полна негодования по поводу разорения туркменских земель персами совместно с узбеками. (Существует легенда, что, в отместку за нападение на проезжавшего в Персию индусского раджу, персы в союзе с узбеками разгромили пограничные туркменские земли и оба поэта — Зелили и Сеиди попали в плен.)

Молодцы лихие, на буйных конях,
С сердарем во главе отправляются в путь,
Батыры превращают крепости в прах.
Край родной, тоска по тебе сжимает мне грудь.
Зелени ненавидит тот край, где он должен томиться.
Люди хмурятся здесь и заняты каждый своим,
Нет здесь праздников светлых, беседа не может
Моя родина, как я томлюсь по просторам твоим.

Народ бежал в безумном страхе.
Отдав узбекам край родной;
Теперь поймем, влачась во прахе,
Мы цену родины святой.
Мечты о счастье нас предали,
Душа огнем опалена,
С нее покровы все сорвали,
Она болит, обнажена.

Как будто пламенной одежды
Прикосновение палит,
Но и Хиве печаль грозит
И тают радость и надежды.

Эти отрывки не являются образами народного эпоса, так сказать, в чистом виде, но это та поэзия, которая вошла вместе с творчеством другого наиболее популярнейшего поэта Махтум Кули в народно-художественный сказ именно по той причине, на которую мы указывали выше — традиционную увязку на Востоке индивидуального художественного творчества с народной словесностью, использование массами произведений национальных поэтов для выражений своих эмоций, стремление в обстановке постоянного угнетения и национального принижения отстоять свое национальное лицо, находясь, однако, в постоянном художественном взаимодействии с народным эпосом других восточных национальностей: известно, что целый ряд писателей Востока, как Омар Хейяма, Саади, Гафиз, являются одинаково популярными в народных массах различных восточных народов. Огромную роль в распространении образов народного эпоса Средней Азии сыграли, на подобие Армении, певцы-бахши, составившие на протяжении целого исторического периода традиционно-связанную плеяду исполнителей произведений народной словесности, постоянно передававших их из поколения в поколение и заслужившие народное признание в чрезвычайно характерном и показательном определении, не лишенном и известного социального содержания: „если счастливый народ — к нему придут бахши со скаковыми лошадьми, если же народ несчастный — к нему придет царь со своей пылью“, т. е. с не-

сущими разрушение армиями. Из этого, конечно, не следует, что дореволюционный народный эпос повергал в прах царей; наоборот, в нем много „ханского“ содержания, часто, примерно, в той же оправе, какая имеется в былинах с повествованием о подвигах князей и их дружин, он заполнен в значительной мере религиозной приправой и всякой „моральной“ тенденцией ислама, в обстановке всего патриархально-феодалного уклада, но в нем по временам просачивалась струя глубокого недовольства тогдашней действительностью, особенно в эпохи всякого рода „покорений“, и народный эпос зафиксировал эти настроения в ряде рассказов, легенд и т. п. (См. напр. Гони-Бек, — рассказ о битве с русскими под Геок-Тепе; записан С. М. Овезбаевым, журн. „Туркменоведение“.) Этот мотив постоянных военных столкновений, племенной борьбы и т. п. входит фрагментами в наиболее значительные образцы народного эпоса, которые формально можно причислить к категории „любовных“. Так, например, в очень популярных туркменских легендах о поэте, музыканте и разбойнике Гер-Оглы, — любовный эпизод прикрывает „единоборство Гера-Оглы с могучим турком“, разворачивает отдельные картины, в которых разбойничья профессия героя объясняется местью за то, что отец его был ослеплен одним владетельным князем и наконец он сам погибает от рук вельмож персидского шаха.

Народная поэзия Средней Азии, в частности Туркменистана, в значительной мере характерна тем, что за ее художественным оформлением, представляющим часто как будто образец чистой лирики, скрывается, как мы уже отмечали, то „прикладное“ содержание, которое выявляет отдельные наиболее

типичные моменты социального и бытового уклада прошлого этих недавних еще окраин России с ее безводными пространствами, земельным закабалением, принудительным переселением и т. п.

„Через поместье богача, говорится в одной из поговорок, проходит река, через поместье бедняка — дорога“. В этих условиях, где „дорогу может осилить идущий“ (из туркменских поговорок, собранных С. М. Овезбаевым), естественно, народный эпос отвел значительное место таким атрибутам обихода как конь, верблюд и др.

„От хорошей жены и коня прежде времени возрадуешься, от плохой жены и коня раньше времени умрешь“, при чем народное творчество всегда в той или иной комбинации оценивает и выдвигает те стороны быта, которые являются наиболее актуальными во всей обстановке его жизни: „и принесший воду и разбивший кунган в одной цене“; „если и хочешь, чтобы туркмен переселился — проводи мимо него переселение“.

В этой атмосфере постоянной борьбы за существование — в окружении постоянных завоевательных и колониальных экспансий царей, ханов и эмиров, религиозного закабаления и национального угнетения — народный эпос развивался, с одной стороны по линии отражения феодального — патриархального строя со всеми его атрибутами, но с другой, получал ту закалку в смысле нарастания протестующих моментов, которые находили отражение и в соответствующих характеристиках как царей, так и богачей и представителей духовенства.

„Стать муллою легко, трудно стать человеком“. „Сумасшедший любит сумасшедшего, мулла — мертвого“.

„Один мулла утонул в воде. Он так растерялся, что не слышал криков окружающих — „дай руку“ (протяни). Один из стоявших поодаль сказал: „ведь он никогда ничего не давал и потому вас не понимает. Вы ему предложите что-нибудь — может тогда протянет руку“. Из стоявших один крикнул: „На, возьми!“ — мулла протянул руку как за обычным подаванием и тогда был вытащен из воды“.

Один мулла рассказал, что дорога между землей и раем — трехтысячелетний путь. Тысяча лет — подъем, тысяча лет — равнина, тысяча лет — спуск. Весь путь представляет из себя мост, который тоньше волоса и острее меча. „Ты просто скажи, что туда дороги нет, — сказал один из присутствовавших. — По такой дороге пройдя, ни один из наших туркмен не будет в твоём раю, который вообще по моему при этих условиях будет пустовать“.

ТУРКМЕНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Касаясь туркменского эпоса, нельзя не сказать несколько слов о женской лирике Туркмении. Правда, эта область еще не изучена. Пока один неутомимый работник А. П. Поцелуевский в течение ряда лет усиленно и кропотливо работает над собиранием этого весьма ценного, столь же трудного материала. Если иметь в виду бытовые условия, не дающие возможности европейцу записывать образцы женского народного творчества у самих исполнительниц, то станет очевидным ценностью работы, проделанной А. П. Поцелуевским. Естественно, что точного и законченного суждения о женской лирике Туркмении мы не можем

иметь. В данное время можно говорить лишь о той части туркменской женской поэзии, которая собрана и в значительной мере систематизирована, подготовлена к печати. Вся работа состоит из 800 песен, главным образом из четырехстиший.

Чрезвычайно несложна женская поэзия Туркмении. В туркменской женской лирике мало социальных мотивов. Слабо представлен „внешний мир“. Лейтмотив туркменской женской поэзии — проклятая женская доля. Читаем ли мы песни любви, рассматриваем ли мы творчество туркменки, в котором она излагает свои переживания, изучаем ли мотивы, в которых туркменка описывает природу — всюду мы получаем одну общую картину: туркменка в доме родителей, у мужа, везде ограничена в своих интересах, замкнута в пределах своего первобытного хозяйства, является придатком к хозяйству. Мир и кругозор туркменки весьма ограничен: дальше степного горизонта, выше вершины чинара, туркменка не схватывает. Людской мир: отец и мать, муж, подруга, невестка и ребенок. Образы: вся фауна и флора степи, безводной, песчаной и солнцем залитой степи.

Несмотря на примитивность хозяйства и быта, ограниченность кругозора и мира вообще, туркменские женские песни имеют много художественных образов и заслуживают внимания. К числу художественных песен туркменки может быть отнесено следующее четверостишие:

Разве может быть скала без верхушки,
А основание ее разве может быть без камней?
Неразумный, несведующий юноша,
Разве девушка может быть без друга?

Подруга в женской поэзии Туркмении занимает видное место. И это естественно. Где, у кого

может она, туркменка, найти ответ на волнующие ее вопросы? С кем она может проводить все свое свободное время? Только с подругой. Естественно, что разлука с подругой оказывается настолько сильной, что туркменка готова лишиться языка. Приводимые ниже отрывки в достаточной мере характеризуют мотивы женской туркменской лирики о подруге:

С вершины тута осыпаются листья,
И тень его не стоит на месте, — уходит.
Дорогая моя подруга Арзи-Гюль
Уезжает, не отдав мне даже привета.

А вот другой отрывок:

Я мыла платок, да не высушила,
Моя подруга проезжала, а я не видела.
Пусть обрежут мне мой язык:
Даже приветного слова я ей не сказала.

Наряду с мотивами о подруге существенное место в женской лирике Туркмении занимает вопрос за-мужества. Девушка знает, что впереди, в доме мужа, предстоит очень мало утешительного. Страх будущей жизни передается в женских песнях Туркмении:

Не кидай камня в глубокий колодезь:
Пропадет, он утонет, моя душенька-мама.
Не продавай свою дочку в чуждадную сторону:
Пропадет и погибнет она, моя душенька-мама.

Не лучше обстоит дело туркменки, когда приходит домой новая жена. Предыдущая жена совершенно не существенна — стара или молода — должна уступить новой. Трагедия женщины у народов, главным образом, тюркских, у которых существует многоженство, начинается именно с этого момента, когда приходит в дом мужа новая, т. е. очередная

жена. В несложной, но выразительной песне туркменки эта мысль передана удачно;

Ива на иву глядит,
Между ними течет вода...
Когда в дом приходит новая жена,
То кто на старую жену глядит?

В женской народной поэзии Туркмении значительное место естественно занимает забота о ребенке. Мать поет колыбельные песни, она ласкает своего ребенка, поет ему о своей судьбе. Нередко мать связывает свое будущее со своим ребенком: если у нее сын, то он гордость ее, как и владелец хозяйства, если же дочь, то получаемый калым может обеспечить существование кочевника туркмена:

Если к нам не приведут шесть верблюдов, нагруженных деньгами, — мы не отдадим ее в жены.
Если не приведут семь верблюдов с приданным, не отдадим ее в жены.
Если к ее старшей невестке не примчится рысистый верблюд, — мы не дадим ее в жены.
Если к ее двоюродному брату не прискачет рыжий иноходец, — мы ее не дадим.
Если целыми сотнями не пригонят баранов, — мы ее не дадим.
Если тысячами не пригонят верблюдов, мы ее не дадим.
Если сама Гюль-Джамал-Хан не придет взглянуть на ее подобное цветку личико, мы ее не дадим.
Если сам Алиханов не явится, потряхивая своей папашой, — мы ее не дадим.

На наш взгляд представляют особый интерес социальные мотивы туркменской женской поэзии. Правда, эти мотивы весьма ограничены, до невесты примитивны. Несмотря на это, они представляют огромный интерес.

Заслуживают внимания записанные песни о завоевании края русскими. Колонизаторская политика

паризма не могла не отразиться в женской лирике. Единственно, что могла сказать туркменка по адресу русских завоевателей, это — проклятие:

На ашхабадской пыльной равнине
Пасутся и овцы и ягнята...
Пусть сгинет русское племя:
Прогнало оно нас с наших старых насиженных мест.

Или:

Желтый шелк расплзется, растянется,
Город русских разрушится...
Не плачь, Ашхабад, придет время и
Твое место вновь восстановят.
Аннау всегда будет Аннау,
Аннау не будет без крепости,
А уезжающие в Гудур молодцы
Не останутся без оружия.

Среди гражданских мотивов женской народной поэзии Туркмении находим также стихи, посвященные гражданской войне и Октябрьской революции. Туркменка в своих песнях полностью не осознала еще Октябрьскую революцию. Это, однако, не значит, что она не знает о Советах, о большевиках. Наоборот. Понятие большевик вошло в лексикон туркменки, как понятие революционное:

В облачный день не может быть луны...
С тех пор как я увидела, у меня сердце не на месте.
Во всех государствах мира
Не найдется никого равного большевикам.

Это уже начало революции не только в женском творчестве в Туркмении, но и быта, хозяйства и всех общественных отношений.

Женская лирика, поэзия вообще существуют не только у туркменок. Мы привели образцы женской поэзии армянки. Там мы показали образцы земледельческих трудовых песен, здесь — песни кочевни-

ков, переживающих еще родовой строй, ведущих полунатуральное хозяйство. В туркменских женских песнях мы не нашли трудовых песен, тогда как в женской лирике земледельческих народов наряду с лирикой песни труда занимают значительное место.

Перелом в хозяйстве, быту и общественных отношениях, происшедший в туркменском ауле после Октябрьской революции, отразился в народном творчестве, создав революционную поэзию, и наблюдается также в женском творчестве.

Таким образом, как видите, в дореволюционном народном эпосе Средней Азии мы имеем наличие, хотя и однообразных по сюжету и разработке образов народного творчества, затрагивающих круг замкнутых тем — любовного, религиозного, исторического и узко-бытового характера, но в этих произведениях постоянно ощущается прилив интеллектуальной, художественной мощи, которая в значительной мере обуславливалась стремлением широких масс противопоставить свое „национальное“ лицо всякого рода колонизаторским и завоевательным тенденциям.

Отсюда, естественно, и сам характер народного эпоса, наших нынешних восточных республик в дореволюционную эпоху и те корни, которые питали его художественное ядро, были иного качества, чем в русском народном эпосе. Народный эпос Востока больше ощущал на себе национальный гнет и поэтому с большей интенсивностью отходил от великодержавного пресса; несмотря на чрезвычайную экономическую и культурную отсталость, бытовую закабаленность и религиозную косность, восточная действительность удобряла почву для зарождения

поэзии, с которой впоследствии органически уже мог связаться будущий революционный эпос.

Из этого вовсе не следует, что в целом этот эпос не был насыщен реакционной идеологией; в нем постоянно находили отражения самые отсталые формы бытовых, религиозных и социальных пережитков.

Тем не менее в дореволюционной народной словесности ряда народов Средней Азии можно констатировать наличие тех настроений, которые могли послужить определенной предпосылкой к развитию в этом роде художественного творчества иных мотивов как по содержанию, так и по внешнему оформлению.

БОРЬБА ГОРЦЕВ КАВКАЗА В ИХ ТВОРЧЕСТВЕ

В этом смысле можно провести определенную аналогию и в отношении некоторых кавказских народностей. Если остановиться, например, на образцах дореволюционного народного творчества Дагестана, то здесь, на ряду с любовным эпосом, произведениями, рисующими те или иные военные походы, например, исторические песни о Надир-Шахе и т. п., воспроизводящими охотничий быт и т. д., — имеется народный „сказ“ о Шамиле, Хаджи-Мурате, который в основном своем содержании представляет большой интерес в смысле изучения родовых, междуплеменных отношений, с одной стороны, а с другой, для характеристики всей шамиле-хаджимуратовской эпопеи, как определенного момента в истории борьбы широких горских масс за свое национальное освобождение. В этих сказаниях сохранен исторический скелет событий

в таком виде, что в них гармонично сочетаются хроника повествования с поэтической разработкой фактов, эпический тон с примитивной передачей отдельных деталей быта (напр., „Три имама“).

„Потеряв надежду взять штурмом Ахульго, русский сердар с главнокомандующим прибег к другим мерам: он предложил Шамилю мир на условиях выдачи ему в аманаты своего сына. Имам хорошо знал, что неверные не оставят его в покое и не выполнят своего обещания, поэтому он хотел отклонить требование. Но изнуренные защитники, всюду и везде искавшие спасения, усиленно просили Шамиля пожертвовать общему благополучию своим сыном и он не мог отказать им в этой просьбе. Предложение русских было принято и Джамалэддин был выдан врагам.

Расставаясь с любимым сыном, Шамиль распрощер руки кверху и произнес со слезами:

— Тебе одному, о боже, поручаю его!

После этого сердар выразил желание вступить с Шамилем в переговоры через генерала Пулло. Шамиль долго не соглашался на это, зная заранее, что из этого ничего не выйдет, но, мюриды, жаждавшие конца своих бесконечных мук и страданий и надеявшиеся на возможность мирного соглашения, просили Шамиля принять приглашение русского военачальника. Отчасти вследствие этого, отчасти же из опасения, что его отказ припишут чувству трусости, Шамиль, наконец, согласился.

Переодев всех женщин в мужской костюм и вооружив их оружием павших славною богоугодною смертью мюридов, он пошел на свидание в сопровождении всех оставшихся в живых без различия пола и возраста. Этим он хотел показать русским,

что он еще не так слаб, как они думают, и что, в случае чрезмерных их требований, он может причинить им не мало хлопот и забот. Враг видно понял эту хитрость. По крайней мере черкесевец, вероотступник Чаландар, находившийся на стороне неприятеля, с усмешкой спросил своего односельца Юнуса, друга и сподвижника Шамиля:

— Откуда у вас набралось столько безволосых пожилых мужчин и почему они не носят чалмы по примеру своих волосатых и бородатых товарищей?

— Мы обращаем внимание на сердца верующих наших братьев, а не на наружность, и заняты исполнением требований святой веры, а не ее обрядностями, — ответил Юнус.

Пулло явился к месту свидания во главе тысячи вооруженных воинов. Он предложил Шамилю сесть возле себя. Имам сел, захватив за собою, как бы ненароком, полы его шинели. Он решил, в случае измены со стороны русских, убить генерала, а потом броситься в рукопашную с его свитою.

Пулло пустился в длинный разговор. Шамиль отвечал ему кратко и ясно тоном воздержанного сильного противника.

— Вы — свободные уздени, — начал генерал. — Каждый из вас свободен распоряжаться собою и может делать, что он хочет. У нас такого адата нет. Мы рабы своего царя и он распоряжается нами. Мы беспрекословно исполняем только его волю, передавая ему сообщения через его верных, избранных слуг. Здесь таким слугою является сердар. Поэтому, если между нами состоится соглашение, то для закрепления его тебе придется поехать с нами к нему.

— Слышите, братцы, единоверцы, — обратился Шамиль к своим. — Нам предлагают доверчиво вложить шею свою в ярмо русских и их царя. Я вам говорил, что из этих переговоров ничего не выйдет, вы мне не поверили. Теперь хотя уверьтесь и убедитесь в том, что видите своими глазами и слышите своими ушами.

Затем, обратясь непосредственно к генералу, он сказал:

— Хорошо, я согласен на свидание с сердаром. Пусть он явится на место переговоров с тысячею своих телохранителей, я же возьму с собою только сто мюридов.

— Сердарю не подобает являться на свидание с кем бы то ни было. Придется ехать тебе, или твоему Бартихану к нам в лагерь, — ответил Пулло.

В разговор вмешался Бартихан и нашел выход из неловкого положения.

— Ты верно сказал, генерал, что мы вольные уздени и не подчиняемся воле одного человека. Мы прислушиваемся и покоряемся воле большинства, — большинства почтенных и почетных, старых и умудренных опытом долгой жизни. Этих стариков у нас здесь нет: они остались в ауле. Мы спросим их и если они посоветуют, я или Шамиль явимся к вам в лагерь для выслушания требований сердара.

В это время недалеко раздался голос Ибрагим-муллы, преждевременно призывавший к полуденной молитве. Шамиль встал и заявил, что настала пора молитворения. Обе стороны расстались, не достигнув никакого результата от своего свидания и совещания.

Таково построение сюжета и в недавно записанных преданиях о Хаджи-Мурате, которое по содер-

жанию вносит существенные коррективы в „официальную“ историю Хаджи-Мурата.

„Приехав в Нуку, Хаджи-Мурат с двумя своими товарищами остановился у Нухинского хана.

Нухинский хан славился в своем округе очень богатым и гордым человеком. Ему хорошо был известен Хаджи-Мурат по народным похвалам и отзывам о его подвигах и удали. Когда он увидел в лицо самого Хаджи-Мурата, то не оказал ему особого внимания, потому что внешность его не была красива. Хаджи-Мурат почувствовал некоторое пренебрежение в разговоре хана. Ему это было как нож в горло, все же он не выдал себя ничем.

В один день он сказал хану:

— Пойдем сегодня на Большой Майдан (равнина) прогуляться, посмотрим: не найдем ли там зверя поохотиться.

Хан, послушав Хаджи-Мурата, взял с собой восемь человек своих нукеров. При Хаджи-Мурате были два товарища. Они поехали.

Когда приехали на Майдан, Хаджи-Мурат сказал хану:

— Ты счел меня за низкого человека, — сегодня здесь узнаешь Хаджи-Мурата. Ты — гордый хан — сейчас будешь мною убит. Защищайся, как можешь.

Хан не мог ответить ни слова: у него от испуга начались судороги.

Хаджи-Мурат обнажил шашку, ударил ею и убил хана, а затем совместно с товарищами истребил семерых ханских нукеров.

Один нукер спасся бегством и поднял тревогу. Моментально собралась большая погоня, но до ее приближения Хаджи-Мурат с товарищами бросился

бежать, не зная, однако, куда. Когда погоня стала приближаться, тогда они поскакали в лес, принадлежащий обществу селения Дайгены. Преследователи окружили их и в течение трех суток беспрерывно обстреливали. Те также отвечали им залпами.

Хаджи-Мурат и двое товарищей его были здесь убиты.

Спустя лишь три дня убийцы решились подойти к телам убитых: думали, что имеют дело с притворством, при чем при приближении к убитым гнали перед собой стадо буйволов.

На телах убитых оказалось множество ран, заткнутых лоскутками, оторванными от бешметов.

Дело это произошло в 1275 году.¹

Жители селения Дайгены подобрали тела павших геройской смертью храбрецов и похоронили на своем кладбище.

* * *

После того, как имам Шамиль уволил Хаджи-Мурата от должности наиба все мюрилы обеднели, потому что прекратились набеги и добыча. С Хаджи-Муратом мюриды шли на бой с охотой: они не оставались голодными и холодными. С того дня, когда ушел Хаджи-Мурат, набегов не было, за исключением одного, который был сделан Шамилем на Грузию. Вследствие этого народ обеднел и мюридам надоело воевать с русскими.

Находясь в осажденном Гунибе, последнем своем прибежище, Шамиль сказал:

¹ Исчисление по мусульманскому лунному календарю (от Хиджры). Равняется 1859 г. н. э.

— Если бы я снял головы тем, которые кляузничали на Хаджи-Мурата и держал бы последнего, как товарища, около себя, — я не был бы заперт теперь на Гунибе.

* * *

История эта есть самая верная и точная. Она взята из рассказов и слов сотоварищей Хаджи-Мурата, участвовавших с ним во всех боях, набегах и повсюду: Магомы Таймаса Хан-оглы, Арцу Меера, Хаджи-Магомы Хедерас оглы.

Обо всем этом поведали: сын Хаджи-Мурата — Гулла и сын последнего — Казанбий“.

Кроме того, дагестанский народный эпос дореволюционного времени создал и ряд других образов, отражающих эпизоды борьбы с русскими, но не связанных с именем Шамиля. Некоторые из произведений народного творчества Дагестана, посвященные различным походам и битвам, не лишены мифического элемента и в них, как отмечает проф. Л. Жирков в статье „Новая аварская песня“ (Дагестанский сборник, 1927 г.), видна огромная роль поэтического эпитета, заменяющего самое название предмета:

„Слушайте, люди! Будет сказана повесть про того, чье имя слышно до Хайбара.

Сделайте милость, не говорите, а я кликну песню про того, что донес радостную весть в тот город.

Не слышно ли его имя до Хайбара?

Устрашил он ханов Цора?

Не донес ли он радостную весть в тот город?

Собрал ты к себе то фараоново племя, о сокол, рожденный в золотом дворце?

Выйди же туда, в Чар, на подвиги, о Али-Зульфукар, доблестью одаренный от бога. Выходи на капуров, их резать.

Взявши крымские¹ в волчьих чахлах и стамбульские,² на казаках испытанные, ведя за собою Даит-беля и Угузиях, знающих дела Цора, отринувших страх, выехал Умма-Хан и когда до Орака доехал, кинули лучших быков враги.

Как завидели белизну шатров на Ораке, рухнули крепости мин-паши...

Ажаб-Хан, Акаб Хан сошлись в Кальвани, ведя войско слонов с паланкинами.

Вышел Хункяр, дошел до неверных, привел конную рать сжечь Ташхасан, послал есаулов к Ядол-городам, к Шал-городам, к Шибал-городам, чтобы кликнули:

— О, неверный, быть тебе убитым. Пусть откроются ворота Хайбара, пусть из ворот засовы вынут.

Вот подошло и Хунзахское войско — не остановить его и железными преградами. А ханом у них — Умма-Хан, к небу порохом стены взрывающий...”

Дагестанский народный эпос, если можно так выразиться, делает значительный упор на исторический мотив, при чем в этом отношении песни, сказания и легенды, несмотря на имеющийся в них иногда мифический элемент, обычно далеки, как мы уже отметили, от поэтической выдумки и строят свой сюжет на конкретном историческом материале, нередко акцентируя пафос повествования, не впадая, однако, при художественном оформлении в излишнюю „лиричность“, сохраняя couleur locale с деталями

¹ Ружья кремневки.

² Пашки.

будничного обихода и т. д. Эти черты можно проверить, напр., на отрывке хотя бы из песни о предводителе Кази Ашильтинском, описывающей события 1774 г.

„Слушайте, люди! Расскажу вам
Про того, кто пил кровь из желобка копья.
Здравствуйте, не говорите. Спою подвиг
Того, что едал куски мяса, отскочившие от сабли.
Разве не питье крови из желобка копья—
Если он, — выпив кровь Эльдара, победно дрался.
Разве не еда кусков мяса, отскочивших от сабли —
Если, уничтожив полк Каджаров, прославился в народе.
Получил письмо от Кайдахского Уцуми,
Находящейся в Казанищи „Беззубый“,
Чтобы, взяв с собой Кази, готовился в поход.
Вызван через посланца этот Ашильщинец.
Одежды такие, что удивление людям,
Лошади выбраны в Индири,
Седла выбраны в Черкесии,
В руках кремневки, испробованные в стрельбе,
Опоясаны все саблями испытанными.
Три тысячи таких конных ведя с собой,
Прибыл Кази в Казанищи.
— Асалам Алейкум, город Казанищи.
— „Во Алейкум Салам, Кази богатырь.
Да будет благословен твой путь,
В здравии да вернешься домой.
Добыча из Цора пусть тебе достанется,
Вместе с добычей да возвратишься домой благополучно“.

Ликование устроили Казанищенцы:
— „Пришел к нам Кази, — чего нам больше“.
Взяв Салатгеря и Таймаз-Хана,
Оба Исфаганца выступили в путь.
Все живущие в небесах сказали: — „Аминь“.
Обратившись к творцу сущего,
Просили небожители позволить льву истребить Каджаров.

Этот мотив военных столкновений гражданской войны доминирует в дагестанском народном эпосе,

несмотря на то, что в целом народное творчество уделило более значительное количество образцов иным темам. Кроме того надо отметить, что именно эти исторические песни и предания, посвященные всякого рода походам и битвам, составлявшим звенья в истории борьбы Дагестана за свое существование, наиболее полнокровно выявлены в развитии и оформлении сюжета.

Здесь надо еще раз подчеркнуть ту огромную роль, которую играло в создании и обогащении народного эпоса индивидуальное творчество, сращивавшееся здесь с народной словесностью в том же приблизительно сочетании, какое мы наблюдаем и у других народов Советского Востока.

Народные поэты дополняют здесь народный эпос, пополняют и оживляют его мотивы, органически связываясь с основным ядром народной словесности. Широкие массы воспринимают это индивидуальное творчество, как основу для своих настроений, и, таким образом, часто ступенчатся грань между безымянным эпосом и определенными конкретными поэтами, создателями этого вида художественной литературы. Достаточно указать на роль, которую сыграл, например, в развитии аварской народной песни еще не так давно умерший известный аварский поэт Махмуд из Ак-Кента, в известном смысле предтеча современного революционного дагестанского эпоса, имя которого молва окружила легендами.

Он является одним из тех поэтов, который сумел приспособить примитивную романтику народного художественного замысла к изображению современных ему событий, почти наших дней — империалистическую войну и т. д. В этих песнях поэт исполь-

зовал традиции любовного и героического эпоса, чтобы отразить свои настроения в связи с пребыванием, например, в австрийском плену, с тоской по своей возлюбленной и т. д., хотя последний момент является доминирующим в его песнях (Махмуд, между прочим, погиб в результате мести на романической почве).

Его творчество, храня основную форму и тематику дегестанского народного эпоса, носит следы уже некоторой европеизации с позаимствованием чуждых Дагестану образов, например, дева Мария и т. п., и представляет определенный интерес в смысле нарастания новых мотивов — оценка военных событий, недовольство создавшейся обстановкой у себя на родине и т. д.

Мой вздох от смущенного сердца не возьмешь ли, о туча небесная.

От дрожащего тела в мучении написана жалоба. Ты не снесешь ли ее, о легкое облачко.

Что дух пережил в моем теле, расскажи ты по правде, о ветер из Сирии.

О том, как хлопчет огонь, как наполнил он грудь, дай ей в руки письмо, о солнце, светящее скалам.

Скажи ей ты, горная козочка льдистых и летом Порских гор, что я здесь в снегу...

Расскажи ей, златорогий олень тех щебнистых ущелий, куда звери не идут, расскажи, что в походе я здесь, что попал я в леса, где не спать мне на ложе... Иль ты видишь во сне мою черную бровь, мои черные очи...

Я в горах, там, где села кончаются. Но быть может являюсь тебе я с желтым тестаром...

Писать тебе письма? Ими контора полна, но кто их получит?

Каждый раз в предзакатное время я у диких зверей прошу весть о тебе. Тем, что я ходил за тобой, я был опозорен в народе, а теперь я хожу и смотрю, где бы мне умереть...

Что случилось, что вдруг оборвались известия? Выходишь на улицу и нету письма. Никогда не закрыл, не сомкнул я очей, как ушел я в поход, попрощавшись с тобой. Каждый вечер я спорю со сном: как мне спать, не достигнув возлюбленной?

Дикий зверь, потерявший тропу среди скал, или ищет тропу, или смерть принимает... Когда прошла зима, когда идет весна, о, куропатка на холмах, или тебя мне сжать, или забить могильную плиту...

Цари и короли задумали войну, хлопочут, собирают свой народ.. А у меня лишь мысль: как умереть, — и помощи прошу лишь у тебя.

О если бы настал тот час, когда бы устремил я взоры на тебя. О если б он настал! Он нас согрел бы, и зима бы стала летом...

Если исполнится моя надежда, и не умру, не повидав тебя, — не потемнеет мир, хотя бы скрылось солнце...

Твое лицо, не тронутое в колыбели солнцем, наперекор всему хотел бы видеть я.

Твой выразительный язык, что был учен, когда еще сосала грудь, хотел бы слушать, слушать, без конца.

Ах, надоело мне седло и опротивел конь. Я звал, все звал тебя, и вот покинул дух мой тело...

Докучна мне винтовка, — я бросил все оружие, когда прощалась ты, о свет очей. С кем мне бороться, о красиво-стройная. Земля, в которой нет тебя, лежит как ад. Но там, где всходишь ты на крышу, где идешь ты по тропе, — не там ли правоверных рай.

Нет той губернии в России, где я не проезжал, мечтая о тебе.

Наряду с этой поэзией, как по ее традиционной связи с другими образцами эпоса, а также в смысле проникновения в самые широкие массы Дагестана, и все же представляющей некоторую надстройку над основными образцами дагестанского народного эпоса, по существу фабулы и поэтической отделки, следует упомянуть еще о некоторых характерных моментах дагестанского народного эпоса. В нем, как видно из материалов, собранных экспедициями

Дагнаркомпроса (записи т. Гасанова), постоянно можно найти отпечаток природных и бытовых особенностей Дагестана — песни, распространенные, с одной стороны, в глубоких горах и ущельях, а с другой — в равнинах. Собиратели этих песен отмечают, что, например, в женских песнях, рисующих жизнь девушек верхних и нижних районов, „метко схвачен характер условий жизни обеих девушек“. В нижнем районе живут более зажиточные сельчане, торговцы и т. д., и песни здесь носят веселый характер, тогда как в песнях верхнего района чувствуется „грустный оттенок и недовольство жизнью“.

В этом отношении интересны и песни „локального“ характера, рисующие, например, полевые работы в отдельных районах. Они любопытны тем, что в них подчеркивается радость по поводу обладания небольшим клочком земли, который дает дагестанскому крестьянину возможность пропитания в течение нескольких месяцев. Поэтому в этих песнях нет того, часто задумчивого и мрачного напева, который чувствуется в соответствующей русской песне. Эти отдельные фрагменты народного эпоса, упираясь часто в самые истоки дагестанской народной словесности, будучи связаны с ней на протяжении ряда эпох, сохраняют свою живучесть и актуальность, как песни бедноты; в них нашли отражение отдельные клочки быта, выявленные в разных вариациях в многочисленных аулах многонационального Дагестана.

В целом народная поэзия Дагестана, ограниченная кругом небольших тем, как видите, любопытна раньше всего как памятник целого ряда событий, сыгравших роль в истории борьбы горцев за свое

освобождение, как отражение быта, в условиях которого развивалась межплеменная и родовая борьба, и, наконец, как воспроизведение будничных сторон социально-бытового уклада. Это та народная поэзия, которая на отдельных этапах своего роста носит отпечаток самостоятельного и своеобразного творчества, но в целом ряде моментов связана с тематикой эпоса других народностей современного Востока.

В истории изучения горцев Северного Кавказа, как отмечает Л. Семенов в статье „Ингушская и чеченская народная словесность“ (Известия Ингушского Научно-исследовательского Института, № 1. 1928 г.), можно отметить три периода. Первый охватывает XVIII век и более половины XIX века (до конца 50-х годов), второй — эпоху 60-х г.г. XIX века до революции 1917 г. и третий — послеоктябрьский период.

Только последний период, характеризующийся широким развитием краеведения и национальной письменности на Северном Кавказе, открыл широкую дорогу к изучению народной словесности кавказских народов, ее социальных корней и общей обстановки ее зарождения.

До-революционный эпос здесь, как и в других местах, изучался почти всегда локально, и поэтому в многочисленных работах о нем еще нет в полной мере выявленного лица народной поэзии отдельных национальностей, и только намечаются пути к систематическому исследованию этой интереснейшей области художественного творчества. Образцы ингушского, чеченского, осетинского и народного эпоса других народов Кавказа по характеру материала не выходят за пределы тех любовных, исторических и

примитивно-бытовых тем патриархального строя, о которых мы говорили выше. Здесь в той или иной вариации перефраз сюжета с акцентом наместный лад, но всегда с значительным подчеркиванием национальных моментов, с выявлением национального гнета, в условиях всякого рода завоевательных и колониаторских тенденций. Отсюда, как мы уже отметили, эпос Советского Востока в большей степени, чем русской эпос, жил теми „подпочвенными водами“, которые оживляли его и придавали ему каждый раз специфический характер. Этим и объясняется то обстоятельство, что наши классики, Пушкин, Лермонтов и Толстой, сочли нужным широко использовать этот эпос в целом ряде своих произведений для характеристики наиболее красочных черт быта кавказских народностей, вводя элементы народной словесности Северного Кавказа в качестве поэтического материала для создания своих образов. А. Толстой, например, особое внимание уделяет чеченской песне в „Казаках“ и „Хаджи-Мурате“, характеризую устами Хаджи-Мурата одну из песен о кровной мести, как „хорош песня, умный песня“, как бы подчеркивая, какую огромную роль народная словесность Востока сыграла в быту того народа, к которому они принадлежат, и каково значение этих песен в отдельных моментах тогдашней кавказской действительности. Здесь любопытно отметить, что некоторые из собирателей народного эпоса подчеркивают особую роль песни в кавказском быту; делают указания в том смысле, что этот вид народного эпоса, часто, несмотря на свой веселый и игривый характер, прикрывает иные настроения, и масса пытается найти в ней выход в самые трагические, тяжелые моменты: мы наталкиваемся, на-

пример, на веселые песни в ряде наиболее бедных аулов, где песня превращается в своего рода „танец в несчастье“ (этот мотив, как известно, использован, например, прекрасно режиссером Шенгели в картине „Элисо“); во всех преданиях о Хаджи-Мурате и Зелим-хане песнь воспроизводится в связи с трагической развязкой, и А. Н. Толстой специально подчеркивает характер предсмертных песен чеченцев, в которых ощущается чрезвычайное пренебрежение к представителям царской власти на Кавказе, ведших борьбу с „абреками“ и т. п. С этой точки зрения любопытна именно вся концепция „зелимхановских“ песен, которые в разных вариантах получили художественное оформление почти у всех народов Северного Кавказа.

Его мягкой постелью была черная земля...
Подушка — чинаровые корни,
Одеяло его — голубое небо.
От голода кушал чинаровый лист,
От жажды пил росу.
Когда туман спускался на плоскость — уходил
в горы,

Когда туман в горах — уходил на плоскость.
По ущелью шел волчьим скоком.
На вершинах слушал голоса ущелий и долин...
Родная его сестра — винтовка.

* * *

Бросил вызов судьбе,
Придавил ее ногой
И вышел на борьбу чеченский Зелим-хан.
Взял Зелим-хан свою семью
И засел на черных вершинах.

* * *

Один кляузник пошел в крепость
И бросил свой длинный язык к порогу полковника.

Марша-аль, начальник округа,

Не спите в эту страшную ночь:

Храбрый Зелим-хан, который бьет начальство
и купцов,

Горный орел — Зелим-хан
Остановился на горных вершинах.

Чеченский эпос в ряде своеобразных по художественной архитектонике образцов отразил целую полосу восстаний против царизма. Так, например, одно из сказаний, записанное т. К. Гатиевым, рисует известное Шалинское дело. Мы приводим его целиком.

1

Эти времена смут и беспорядков настали...
В смутные времена, шейхов приведя, шейхов приведя,
в смутные времена на тревогу приходи,
Уо, Кунта-хаджи...
Угрюмый Абу...
Деди...
Али...

2

Вскачь привезли, говорят,
Лакированную подводу...
Вскачь повезли, говорят,
Мубарика-хаджи.
„Ах, ты что мне говоришь,
Уо, городской полковник,
Зачем ты призвал меня,
Божий противник“.
— Не я тебя зову,
Мубарик уо хаджи...
Тебя зовет
Владикавказский генерал.

Вскачь привезли, говорят,
Лакированную подводу...
Вскачь повезли, говорят,
Мубарика-хаджи.
„Ах, ты что мне говоришь,
Владикавказский генерал —
Зачем ты призвал меня,

Божий противник“.

— Не я тебя зову,

Мубарик уо хаджи,

Тебя зовет

Грузинский наместник.

Лакированную подводу...

Вскачь повезли, говорят,

Мубарика-хаджи.

„Ах, ты что мне говоришь,

Уо, грузинский наместник,

Зачем ты призвал меня,

Божий противник“.

— Не я тебя зову,

Мубарик уо хаджи,

Тебя зовет

Московский падишах.

Вскачь привезли, говорят,

Лакированную подводу...

Вскачь повезли, говорят,

Мубарика-хаджи.

„Ах, ты что мне говоришь,

Уо, божий противник,

Зачем ты призвал меня,

Уо, копр кериста“.

— Я тебя не звал,

Мубарик уо хаджи,

Я тебя звал,

Уо Кунта уо хаджи.

Во всех четырех углах света,

Говорят, что имеешь зикарат...

Говорят, что эти молельни

Наполнены твоими мюридами.

„Во всех четырех углах света

Да, я имею свои молельни,

Молельни эти полны моими,

Моими мюридами...
Зачем ты звал меня,

Божий противник,

Зачем ты звал меня,

Копр кериста“.

— Райские двери, говорят, ты открываешь;

Адовы двери, говорят, ты закрываешь...

Таким образом мы имеем возможность время от времени констатировать и здесь, в гуще народной словесности, на ряду с бытовой, нередко идеологически косной и застывшей формой художественного творчества, образцы народного эпоса, в котором нарастают элементы протеста против обстановки национального порабощения, при чем в определенных этапах эта поэзия, повторяем, срачивается с более квалифицированным индивидуальным творчеством целого ряда национальных писателей, находившихся в постоянном взаимодействии с народным „сказом“ (например Коста Хетагуров у осетин и др.). „Чистой поэзии, искусства для искусства, писал Г. Г. Бекоев в статье, посвященной осетинской письменности,¹ у нас, как у маленькой политически бесправной народности, не могло быть. Идея свободы, или скорее освобождения — вот основной стержень, на котором держится политическая тенденция нашей художественной литературы“. Эта характеристика, данная индивидуально художественному творчеству осетин, не может быть целиком отнесена к тому виду литературы, который вошел в осетинский народный эпос, ибо там имелся материал и другого порядка. Еще в меньшей степени таким общим определением можно было бы характеризовать тенденции народного эпоса других народов Советского Востока, но все же нельзя не признать, что в целом этот народный эпос не лишен был, как мы указывали раньше, тех моментов, которые стимулировали в процессе его развития

¹ „Возникновение осетинской письменности и ее развитие“. „Известия Осетинского Института Краеведения“. Выпуск 1, 1925 г.).

подчас революционные настроения. В начале очерка мы отметили ту точку зрения, которую отстаивал В. В. Стасов, характеризуя русский народный эпос, как заимствованный в своем основном стержне от восточной народной словесности. Мы остановились на этом моменте только для того, чтобы подчеркнуть широчайший диапазон народного эпоса востока. Целый ряд исследователей литературы национальностей неоднократно отмечает то влияние, которое русская художественная литература и русская народная словесность оказывали на восточный эпос и индивидуальные художественные произведения. Значит ли это, что в основных своих образцах, сюжетах и архитектонике русский народный эпос не питался восточным материалом? Конечно, нет. Но основным моментом при сравнении одного и другого наиболее существенным являются не элементы сходства, а моменты, свидетельствующие о различии тех путей, по которым развивались русский и восточный народный эпос. Первый из них выросал локально, в обстановке великодержавного окружения, которая неизбежно превращала его в поэзию „богатырей“ „новгородских“, „киевских“ и пр. периодов русской государственности, в значительной мере отражая настроения верхов или же фиксируя бытовой, хозяйственный уклад местного типа (олонецкие песни, новгородский эпос), восточный же эпос все время выросал в условиях косного социально-бытового уклада, тем не менее, благодаря обстановке постоянного национального угнетения, таил в себе большие потенциальные возможности революционного и интернационального характера.

Октябрьская революция, вызвавшая огромный сдвиг во всем социально-экономическом и бытовом укладе народов Советского Востока, тем самым положила начало и новому народному эпосу. Революционная народная словесность, которая сейчас в целом начинает только выявлять свое тематическое и художественное оформление, в некоторых восточных республиках и областях представлена уже чрезвычайно ценными и поучительными образцами. Этот вид художественного творчества, отразивший современный быт в его различных произведениях, резко отличается по своему характеру от дореволюционного народного „сказа“. Сохраняя иногда, если можно так выразиться, старую художественную терминологию, далекие образы и часто чуждые аллегории, новый революционный эпос в корне обновил построение фабулы, ушел от старой „любвонной“ закваски, трафаретной „героической“ народно-эпосной схемы и освободился от тех поэтических надстроек, которые часто лишают возможности в старом эпосе отличить быт от выдумки. Кроме того революционный эпос Советского Востока, если судить по некоторым образцам, сразу поднялся в художественном отношении до тех высот, которые свидетельствуют, что в этом смысле он не утерял традиционную связь с дореволюционным эпосом,

а наоборот, сохранив его художественную культуру и манеру письма лучших старых образцов, направился, что называется, „спуском на тормозах“ по совершенно новому руслу. Тематика старого и революционного эпоса — эта два разных мира. Старый и новый Восток отражен в новой революционной народной словесности громадным идеологическим скачком; дореволюционные сюжеты в народном художественном творчестве местами сломаны в корне; любовный, исторический, религиозный и героический эпос в его сюжетах дореволюционной формации не перестал, конечно, существовать, но та новая народная словесность, которая выросла в некоторых местах, свидетельствует, что этого рода художественное творчество открыло совершенно новую страницу, изучение которой представляет исключительный социальный и историко-литературный интерес. Любопытно отметить, что пока что новый революционный эпос наиболее ярко выявил себя там, где старая народная словесность пустила богатые корни и оставила, так сказать, в наследство традиции художественного оформления. Это, несомненно, раньше всего помогло широким массам овладеть тем материалом, который они сочли нужным выявить в легендах, сказаниях и т. п. Как мы уже отметили выше, в новом революционном эпосе нередко используется старая художественная терминология — исторические имена срastaются часто с современными, образы и метафоры прежней народной словесности прикрывают выражения современных настроений и т. п. Но все новые образцы настолько полнокровны по своему содержанию и в такой мере в целом самостоятельны в смысле развития фабулы и художественного по-

строения, что открывают новый период в истории народной словесности Советского Востока не только с точки зрения революционной тематики, пафоса нового строительства, но и в смысле зарождения совершенно новых и оригинальных образцов народного художественного творчества. С этой стороны наиболее показательными являются те образцы народного сказа, которые собраны Л. Соловьевым в Средней Азии.

Как грузный медведь разрушает муравейник
И языком слизывает тысячи муравьев,
Так войны разрушали мир
И уносили тысячи жизней.
Войны устраивали князья и баи,
Чтобы больше захватить денег,
И заставляли крестьян, подчиненных им,
Итти на убийство и смерть.

Когда преисполнилась чаша терпения неба,
Когда кровью насквозь пропиталась одежда аллаха,
Когда от дыма пожаров и смрада гниющих трупов
Нечем стало дышать на небе —
Аллах собрал всех слуг своих

И спросил:

— Кто сделает счастливой землю?
— Кто из вас пойдет в бездну горя и крови
И прекратит убийства и грабежи?

Стал аллах выбирать сильнейшего и умнейшего,
Кто бы в силах был пойти на землю
И сделать землю счастливой.

Он положил большой камень весом в шестьдесят пудов,

И сказал:

— Того пошлю на землю,
Кто перевернет этот камень...

Потом он задал три загадки:

— Кто сильнее всех в этом мире?
— Кто счастливее всех в этом мире?
— Кто слабее и несчастнее всех в этом мире?

Многие пробовали перевернуть камень.
Но не могли даже пошевелинуть его.
Многие отгадывали загадки,
Но ответы их были лживы или неумны.

Говорили, что аллах сильнее и счастливее всех,
Что несчастнее и слабее всех шайтан.
Но глухо к лести было сердце аллаха,
И тень печали ложилась на глаза его.
Говорили, что умерший Али был сильнее всех,
Что богачи счастливее всех,
Что ташишки слабее всех,
Но не мог достойного найти среди своих слуг аллах.

И одел аллах халат дервиша,
И сошел на землю, окровавленную и измученную,
И стал искать освободителя среди людей.
Первым увидел он человека,
Перебрасывавшего кули с зерном, как мячики,
И подошел к нему и сказал:

— Идем со мной, человек.
Привел его аллах к камню
И сказал:

— Попробуй. Переверни.
Человек взял за край камень,
Поставил его на ребро и вдруг упал мертвым от натуги.

Легенда долго перечисляет тщетные попытки аллаха найти мудреца, который бы разрешил загадки и заканчивается повествованием о том, что таким подлинным мудрецом оказался Ленин, человек „с высоким лбом“.

Ниже мы останавливаемся на характеристике всей идеологической концепции среднеазиатского сказа, посвященного Ленину. Сейчас же следует остановиться пока на некоторых характерных моментах этих сказаний и легенд с точки зрения их общей художественной конструкции и сюжетного оформления революционных мотивов. Народный эпос использовал свои прежние атрибуты: религиозную деко-

рацию и героическую романтику, только как рамку, в которой отдельные эпитеты, образы, метафоры являются привходящими элементами; фигура Ленина ассоциируется здесь с представлением о посланнике аллаха, имеющем поручение навести порядок на земле, выходит далеко за пределы тех героев, которые когда-либо фигурировали в народных сказаниях. Народный сказ наделяет его силой и добротой, в которой меньше всего ощущается традиционная сила „чудодейственных“ богатырей. Ленин — руководитель масс против князей и баев, которые „устраивали войны, „разрушившие мир“ и „уносившие тысячи жизней“. Народный эпос не создал вокруг его имени поэтической выдумки и дал образ „самого сильного, самого умного“, „кто пользуется любовью мира“. Анализируя некоторые образцы среднеазиатского эпоса, приходится удивляться их совершенной в художественном отношении формой и насыщенностью фабулы (например, таджикский сказ „Ленин и Кучук-адам“). Они выросли в целые повествования, в которых „сказочные“ моменты так мастерски перефразированы на современные мотивы, что совершенно не ощущается разрыва в их преемственной художественной связи. В этом смысле любопытно провести параллель с целым рядом произведений индивидуального русского художественного творчества, в которых, особенно в первые годы, после Октябрьской революции, как бы была утеряна связь с литературой классиков, в смысле художественного оформления.

Революционный эпос Средней Азии, о котором мы сейчас говорим, в целом еще не достаточно осознал себя в смысле цельности и охвата тем. Октябрьская революция с ее завоеваниями обра-

жена в нем пока отдельными тропинками. Народное художественное творчество сосредоточило свое внимание главным образом, на воспроизведении фигуры Ленина и создало в нем чисто народно-словесный апофеоз, при чем этот момент объединяет почти весь революционный эпос народов Средней Азии.

Характеризуя современную революционную народную словесность Советского Востока, необходимо опять подчеркнуть ту огромную роль, которую сыграла в развитии и распространении этого вида художественного творчества традиционная плеяда певцов (бахши).

В статье „О чем поют сегодня бахши“¹ И. Фролов приводит ряд образцов туркменского революционного эпоса, в котором нашла отражение не только фигура Ленина, как „великого сардаря“, но и дана художественная формулировка тем настроениям, которые нашли отклик в широких массах в связи с Октябрьской революцией. Здесь с определенной четкостью подчеркнута классовая борьба и оттенены взаимоотношения баев, духовенства и бедноты.

Закручинились мулла, ишан и бай,
Для нас Октябрь — мед,
Для них — яд.

Только мы выйдем праздновать Октябрь,
Как богачи меняются в лице.
Бледнеют, от бессилия кусают губы,
Другие стоят, разинув рот,
А третьи корчатся точно баран,
Которому отрубили курдюк.

Октябрь — байран, не курбан-байрам
Беднота не смеялась в курбан-байрам;
Веселился, кто резал для мулл овцу.

¹ „Туркменоведение“ 1927 г.

В Октябрьский праздник никаких жертвенных овец.
Без этого весело бедноте.
Яшасун
Праздник „безовечников“.

Народный эпос возвел Октябрь в могучее дерево
с многочисленными ветвями.

...Несметное количество ветвей
Пустило от себя это дерево.
Луна — только спелый абрикос
На вершине этого дерева.

Ветви идут во все стороны:
Самая большая ветвь — Москва,
На Запад и Восток
Раскинулись остальные.

Вот дотянулась до Грузии,
Укрепилась другая в Армении,
Дагестану тоже отдельная ветка,
Вижу родной Туркменистан...

Дальше и дальше ветви.
Узбекистан,
А там таджики,
И смотрят, дивясь, на это
Иран и Афганистан.

Октябрь пришел к нам в сиянии,
Сильней, чем свет солнца.
В руках у него охапка
Самых сладчайших плодов.

Тьму просветливший Октябрь.
На наших глазах ты благоустриваешь развалины.
Какую бы землю ты ни взял,
Всюду будет благоухающий оазис.

Ты устелил землю красными коврами.
Все, сколько я знаю похвал,
Все для тебя, Октябрь.
Твой праздник мы встретим
Ни с чем несравнимой радостью.
Мы устроим скачки
В твой праздник, Октябрь.

В этих отрывках мы не находим той художественной фразировки, поэтической развернутой фабулы и „сказочных“ приемов письма, которым и богат революционный казакский, узбекский, киргизский и таджикский эпос, записанный Л. Соловьевым из отмеченных нами выше. Здесь больше будничных откликов на современную действительность; в этом эпосе местами „чистая лирика“ сменяется агиткой, но эта народная словесность, как отмечает правильно автор упомянутой статьи „О чем поют сегодня бахши“, носит отпечаток самобытных черт, присущих только „туркменам-кочевникам“. В современном народном эпосе Средней Азии сохранен местный *couleur locale* и в целом он представляет из себя продукт нового народного художественного творчества, использовавшего все богатство прошлой культуры народного эпоса. Образцы революционного эпоса Средней Азии представляют из себя часто, конечно, поэтически не переработанный сырой материал, но важно, само собой разумеется, что собиратели его не стилизовали то, что им приходилось записывать, оставив неприкосновенным старую художественную терминологию со всеми атрибутами дореволюционного народного сказа.

Революционный эпос Средней Азии поэтому выделен здесь в своей первобытной ценности с надлежащей полнотой и нередко наивное сочетание прежних образов и представлений с отображением в сознании широких масс, например, образа Ленина, перед которым „ядовитые змеи, ящерицы и лягушки уползали с дороги, дабы видом не осквернить его глаза“, с большой силой подчеркивает непосредственную свежесть этих народных произведений. Мы уже отметили выше, что народная поэзия Сред-

ней Азии послеоктябрьского периода в значительной степени сосредоточена, главным образом, на фигуре Ленина и эта концентрация всего народного сказа на отдельной фигуре представляет определенный интерес. Дореволюционная народная словесность посвятила не мало преданий разного рода завоевателям, выставлявшим в народном сознании „в злых гениев“, революционный же эпос дает в противовес „доброе гения“ — Ленина, для бедняков и „огненного мстителя“ их угнетателей.

Октябрьская революция и гражданская война в Средней Азии нашли свое отражение, как мы уже указали, главным образом в образах, восхваляющих новый строй с выявлением, иногда, борьбы различных классовых групп и т. п. В целом это апофеоз Октябрю в поэтическом пересказе легендарных народных замыслов, художественно приспособленных к нашим дням и посвященных революционным событиям. В этом эпосе нет, однако, самого изложения событий, художественного пересказа, всей той революционной хроники, которой богата Средняя Азия, как будто народный эпос здесь был больше озабочен синтетическим воплощением революции в целом, ее конечных завершений, минувша этапы.

Как раз обратное, в этом смысле, представляют некоторые образцы народного эпоса Северного Кавказа.

В Дагестане, например, где гражданская война оставила глубокий след своими длительными, перемежавшимися событиями, народный эпос зафиксировал хронику борьбы с белогвардейцами, в ее отдельных этапах. Здесь в народном сказе меньше заботы о поэтической переработке темы в художе-

ственные сказания, легенды и т. п. на основе всего поэтического резерва старого эпоса — как мы видим в некоторых образцах Средней Азии, а пока что намечка материала, который как бы закрепляет факты, еще ждущие своего художественного оформления.

Длиннобородые священники звонили в колокольни.
Собирались терские, кубанские, деникинские казаки.
Как стадо баранов дошли до Чечни.
Раззорили селенья. Двинулись в Шуру.
Сделали своим командиром полковника Мусалаева.
Написали даргинским муллам:
„Давайте нам в армию людей — иначе готовьтесь к бою“.

Отвечали муллы: „Людей не дадим, а партизаны всегда готовы к бою“¹.

Как стадо баранов,
Терские, кубанские, деникинские казаки
Заполнили равнины между Урмой и Левашами
Тревожный клич созвал партизанов.
Они загнали казаков в ущелье Ая-Кака.
Этот день совпал с Курбан-байрам.
Вместо баранов зарезали казаков.
Мурагинская пахотная земля

¹ В эпоху гражданской войны в Дагестане часть мусульманского духовенства во главе с шейхом Али Хаджи Акушинским перешла на сторону большевиков и принимала активное участие в гражданской войне. Тов. А. Тахо-Годи в своей работе „Революция и контр-революция в Дагестане“ по этому поводу пишет следующее:

„Мы строго соблюдали международные приличия и свое большевистское лицо вынуждены были для внешнего мира до поры до времени скрывать в виду буржуазного окружения Азербайджаном, Грузией и добровольцами и отрезанности от Советской России, и на авансцену выпускать Али Хаджи, от имени коего шла вся внешняя „дипломатическая“ переписка за период обоих восстаний. Отсюда вся та известность Али Хаджи на „внешних рынках“ и переоценка его значения в событиях людьми, имевшими дело только с документами“ (стр. 11).

Еще не видала такого орошения.
 Гити-Гамринские чесоточные собаки,
 Никогда не выдавшие мяса,
 Насытились в этот день и воспряли духом.

В этой песне-предании народный эпос, как видите, реалистичен до крайних пределов и стремится обойти всякую поэтическую прикрасу, которая могла бы видоизменить будничные фон повествования.

Если отбросить, однако, эти привходящие моменты с точки зрения общей тематики революционного эпоса, то в них, как мы отметили выше, наиболее характерным для Дагестана является эта художественная передача фактической канвы событий гражданской войны.

В ярье правления Деникина
 Согнулся наш народ,
 Вновь беки ненавистные,
 Сквозь золото погон,
 Сынами вольными родного Дагестана
 Помыкают.
 И хартия свободы
 Ценой, что дорогою,
 В боях жестоких куплена —
 Оплевана была,
 Указкой палачей.
 Как перед бурей страшною
 Примолкли горы,
 И с силами собравшись,
 Орлята залегли,
 Готовясь ко взлету,
 К последнему, кровавому, решительному бою,
 Чтоб, наконец, изгнать проклятого
 Жестокого врага.

Анализируя революционную народную словесность Дагестана, следует отметить, что и в тех образцах, где отсутствует это фактическое перечисление событий и где народный эпос синтезирует Октябрьскую

революцию в той или иной поэтической форме, можно констатировать определенный акцент на выявлении отдельных чередующихся моментов революционных событий в их символическом выражении. В одной из песен поэт обращается к красному знамени с пятиконечной звездой:

Красное знамя с пятиконечной звездой,
 Ты равнозначно для всемирной бедноты —
 Ливау-н-наум¹.

Под твоей сенью крепнет радость бедняков.
 Тебя воскресила беднота
 И ты возродило ее к новой жизни.
 Восток посылает тебе привет по ветру.
 Ты долгие годы топталось ногами.
 Препятствия знать не раз наступала на тебя,
 Ты подымало не раз голову
 И проливало немало крови.
 Ты не раз пряталось в темных углах
 И сворачивалось в карманы героев.
 Немало борцов погибло, поднимая тебя,
 Стремившиеся поднять тебя сгорели в огне
 несправедливости.

Октябрем — ты окрылило все народы Востока.
 Возрожденный под твоей сенью трудящийся люд
 Вспоминает минувшие кровавые дни.
 Пятиконечной звездой ты овладеешь всеми
 пятью частями мира.

Куда денутся тогда все ненавидящие тебя?

Народное творчество других национальностей Северного Кавказа в послеоктябрьский период не выросло и не окрепло еще настолько, чтобы о нем можно было судить как о цельном, компактном литературно-художественном материале с ярко выраженной формой и тематикой, но все же в отдельных проявлениях народной словесности и других

¹ Флаг, который, по мусульманскому поверью, охраняет от всяких невзгод.

кавказских народов преобладают почти те же мотивы гражданской войны, разрушения аулов и т. п. и символическое оформление октябрьских завоеваний в виде знамени, флага и т. д., с которыми народная масса ассоциирует свое отношение к новому строю. Об этом свидетельствует, например, чеченская песня следующая:

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Пришли сейчас времена
Для нас, молодых сердец.
Пришли эти дни,
Пришедшие в блеске свободы.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Гей, проснись, молодежь,
Соединись на верном пути.
Мы несем свет миру, —
Душа чувствует свободу.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
До этих дней душил нас царь,
Своей жестокой железной рукой,
Скрутил горы узлом,
Затуманил он наши глаза.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Князя и помещики соединились,
Захватили весь мир,
Не спускала с них глаз беднота,
Получая кошку долю.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Богачи так рассудили:
Только в мире избранных есть право.
Разделили мир по жребию,
А нас отбросили в сторону.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Не будьте, друзья, трусливы в защите своих прав.
Смотрите на знамя и надпись,
Что дали нам эти времена:
К будущей войне точите ваши сердца.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Слова правды — века
Точно нам известны.
Много в мире угнетенных,
Вышли и мы, друзья, из-под гнета.

Послушайте, приветствую лучшие времена.
Радостно, радостно соединиться
В тесном союзе друзей.
Радостно на врагах успокоить свое сердце,
Радость обрадовать бедноту.

Послушайте, приветствую лучшие времена.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛЕНИН

В послеоктябрьском революционном эпосе народов Советского Востока значительное место занимают песни, легенды и сказания, посвященные В. И. Ленину. И это естественно. Искать причины — означает ломиться в открытые двери. Чрезвычайно показательно, что ленинский эпос одновременно создан у всех народов Советского Союза, в особенности в земледельческих и скотоводческих районах, независимо от того, была ли у данного народа письменная литература, или она создается лишь в эпоху пролетарской диктатуры.

Ленинский эпос еще не изучен, даже не собран. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы составляют лишь незначительную часть того огромного культурного и литературного наследия, которое создано за годы диктатуры пролетариата. Если бы кто-либо захотел искать в народном творчестве после-революционного периода идеологическую четкость, политическую выдержанность, то он не понял бы своеобразия эпоса вообще, послереволюционного — в частности. Последний отличается тем, что в нем

сплетаются косные бытовые особенности с элементами нового быта революционной эпохи, отжившие понятия сочетаются с новым содержанием (Ленин-шах, халиф и т. д., Октябрьская революция и гражданская война—газават), примиряются между собою классы, эпохи и культуры. Собрать в пределах возможности все то, что посвящено народным творчеством Ленину, изучить его, выявив идеологические сдвиги, которые произошли в народных массах, задача весьма серьезная и сложная. Мы перед собою ставим здесь скромную задачу — дать очерк этого сдвига.

Не можем приступить к характеристике ленинского эпоса, не затронув вопрос об индивидуальном творчестве. Много художественных произведений появилось на языках народов СССР о Ленине. Песни и поэмы о Ленине на Советском Востоке написаны в течение последних лет, главным образом, после его смерти. Были, конечно, и раньше (после Октябрьской революции) на некоторых языках стихи о Ленине, но все более или менее художественное и заслуживающее внимания написано позже. О Ленине писали и пишут многие. Пишут, главным образом, пролетарские писатели. Пишут также и советские литераторы. Одно обстоятельство важно отметить: старые, крупные мастера слова не пишут о Ленине.

Художественная литература о В. И. Ленине на языках народов Советского Востока делится на две части: индивидуальное творчество и эпос. Как мы указали, народное творчество выделяется своей эмоциональностью, в некоторых случаях даже своей высокой художественностью, но там естественно хромает, иногда очень заметно, идеология. В инди-

видуальном творчестве замечается обратная картина: часто не на высоте художественная сторона.

Молодые пролетарские поэты, порою не овладевшие стилем, языком и художественными приемами, в своих произведениях незаметно для себя сбиваются на публицистику. В этом можно упрекнуть еще многих, но есть несомненно оформившиеся пролетарские писатели, в произведениях которых образ Ленина вполне закончен, и эти произведения, правда весьма немногочисленные, представляют огромный интерес.

Чтобы дать некоторое представление об индивидуальном творчестве народов Советского Востока, установимся на произведениях двух-трех авторов. Выбор наш не случаен. Число примеров могли бы удвоить и утроить. Картина однако от количества примеров не изменилась бы. Начнем со стихотворения старого большевика, пролетарского поэта А к о п а А к о п я н а. Стихотворение носит заглавие „Перед портретом В. И. Ленина“ и написано в 1918 г. Какие переживания у поэта?

Перед портретом я стою твоим,
Тебя мой взгляд с любовью изучает.
Скажи! Кто ты? Великий гений? Вождь?
Кумир ли тех, кто Правду ожидает?
Твое чело, как гордая скала,
Непримиримое, как поле брани,
И в мареве твоих глубоких глаз
Таится пламя мировых дерзаний.
На старый мир с улыбкой ты глядишь,
Смеясь над тем, что век свой отживает,
И ясным взглядом как бы говоришь:
Кто смерти обречен — не воскресает.¹

¹ А к о п - А к о п я н, „Новое утро“. Гиз. 1928 г. Стр. 101.

Ленин смотрит на старый мир с улыбкой, он смеется над капиталистическим миром, отживающим свой век. Чувствует ли читатель в этом стихотворении Ленина? Несомненно. Здесь нам знакома Ленинская улыбка. Понятна нам Ленинская непримиримость и целеустремленность. Однако, чувствуешь, что автор не смог дать художественного образа Ленина — вождя, борца и руководителя пролетариата.

Вот другой пример — стихотворение армянского пролетарского писателя Алазана:

Великий, гениальный архитектор,
Он воплощение воли бунтующих умов,
Построил здание — проектор,
Сверкающее в глубь веков.
И с высоты невиданного здания,
К грядущему
Сквозь горечь и страдания
Указывает верные пути.
Кому прогнанный мир
И тягостен и душен,
Кто хочет радости
Ликующей, весенней —
Тот, затаив биение сердца,
Слушай!
С тобою разговаривает Ленин.

Алазан уже зрелый пролетарский поэт. Однако, его стихотворение о „великом, гениальном архитекторе“ Ленине нельзя назвать удачным.

Сравните вышеприведенные стихотворения со следующими строками рабочего Корюна, напечатанного в армянской газете „Пролетар“ стихотворение „Ленин“:

Перелистал, сколько было мочи во мне,
Толстую книгу-историю,
Где века составляют страницы,
А эпохи — отдельные главы ее.

...Перелистав, не нашел хоть одного звука,
Который так искусно сложным сочетанием
Мог быть связанным со всеми сердцами мира,
Как имя Ленина.

...Пусть мчатся века, освободившиеся от оков,
Пусть книга истории станет еще толще,
Но дело Ленина
Не умрет никогда.

Мы дали здесь лишь отрывки подстрочного перевода, без художественной обработки. Однако, этот материал с достаточной убедительностью показывает преимущество над первым.

Остановимся на стихотворении туркменского поэта Ииль Оглы Насырли.

Стихотворение Ииль Оглы Насырли интересно прежде всего тем, что, освобождаясь от оков туркменских мистиков-классиков: Махтум-Кули, Азади, Зелаали и др., автор дает образы рыбацкого быта. Мы приводим лишь часть стихотворения, не нарушающую цельности произведения:

...В нашем море,
Штормовом людском,
Ленин
Светит ярким маяком.
Плавающий в бурю,
Будь отважен, —
Верный путь маяк всегда укажет.
Вдруг змеей впила в сердце весть,
И

Скала на голову упала...
Ленина...
Вы слышите?
Не стало...
Как змея впила в сердце весть.
Гневом полнятся глаза рыбацьи...
Неужель
Навек маяк погас?

Не найти
 Людей
 Несчастней нас...
 Плачь же, море,
 Ночь и тучи — плачьте!
 Гневом полнятся глаза рыбацьи...
 Нет!
 Маяк всемирный
 Не померкнет.
 Ленин жив
 В соратниках своих.
 И сегодня
 Миллионы их
 Станут в строй
 Для боевой поверки,—
 Никогда
 Маяк наш
 Не померкнет.

Стихотворения, цитированные выше, своей искренностью захватывают читателя. Однако, оба они страдают общими недостатками. В них много публицистики, мало художественности. Эти отрывки, на наш взгляд, в достаточной степени характеризуют большинство произведений, посвященных Ленину.

Среди известных нам произведений о Ленине отличаются поэмы и баллады армянского поэта Е. Чаренца. В одной из своих эпических поэм Чаренц удачно передал переживания турецкого рабочего-матроса, узнавшего о смерти В. И. Ленина. Эту поэму Чаренц назвал „Ленин и Али“:

Центр мира — Москва.
 Москва древнее Мекки.
 Крупнее Москвы нет в мире города,
 Ибо в самой Москве
 Живет сам Ленин.

Если нет крупнее и древнее Москвы города
 в мире, если нет крупнее Ленина, „архадаш Ле-

нина“, человека вообще, значит Ленин должен иметь „чин“ самого крупного халифа.

Вот в этой самой Москве
 Живет архадаш Ленин.
 Тот, который старше самого халифа,
 Но он такой халиф,
 Что понимает всегда положение фухары (бедноты).
 Поэтому-то его любит Али из Трапезунда.

Может показаться странным, что матрос Али называет Ленина халифом. Но это лишь с первого взгляда. В дальнейшем мы увидим, как в народном творчестве понятия и термины смешиваются: понятие „газават“ (священная война против неверующих) смешано с Октябрьской революцией, Ленина в одной элегии 70-летняя узбечка называет Лениным шах и т. д. и т. п.

Мы привели несколько иллюстраций индивидуального творчества о Ленине. Среди них много ценного. Чтобы сравнить художественные качества некоторых народных и индивидуальных песен и стихов, приводим следующие отрывки. Стихотворение „Бессмертен Ленин“ принадлежит перу народного поэта Ак о п а Ак о п я н а, второе, записанное в кишлаке Ак-Мечеть, Ферганской области в Средней Азии, называется „Не забудем мы имя Ленина“:

Кто говорит, что умер Ленин?
 Ведь, солнце светит, не сгорая,
 И дышит океан, волной вскипая,
 И Марс на небе неизменен,
 И высятся крутые Гималаи.
 Его дела, как солнце, светят нам,
 Как волны океана, закипая,
 Его завет высок, как в небе Марс,
 Неколебим, как горы Гималаев.
 Кто знает то, быть может день придет,
 И солнце догорит на небосклоне,

И океан, владыка грозных вод,
В предсмертных судоргах застонет,
И Марс падет, в ночи сгорая,
И рухнут камни Гималаев...
Но до последнего дыхания человека
Да будет жить, велик и неизменен,
От века нашего, от века и до века
Бессмертное, простое имя Ленин.¹

В переводе стихотворение Акопяна теряет некоторым образом ритм, звуковые сочетания и образы. В основном же перевод передает настроение автора. Сравните это произведение со следующим отрывком, записанным, как выше было сказано, в Средней Азии:

Тополь только тогда может вознести вершину
свою выше гор,
Когда корням его будет достаточно влаги.
Бархан только тогда может наполнить собой море,
Когда он будет величиною со все горы Памира.
Один человек только тогда может заставить
говорить о себе мир,
Когда он совершит или неслыханное злодейство,
Или окажет доброе дело для всего мира.
От многих злодейств содрогалась земля,
И о многих, поэтому, говорил мир.
Добрые же дела творили немногие, —
Самое большое доброе дело сотворил Ленин,
Освободитель земной, сосуд добродетелей.
Пусть сравняются с землей вершины Памира,
Пусть океан зальет это место,
Пусть на этом месте вырастут новые горы,
Величиной превосходящие первые в десять раз.
За это время железной стопой пройдут века по земле,
И люди забудут названия стран, где жили
раньше их предки,
Но имя Ленина не забудут они.²

¹ Акоп Акопян, „Новое утро“, стр. 106.

² Л. Соловьев, журнал „Красная новь“, № 6, 1926 г., стр. 200—201.

С какой силой здесь и каким умением передано значение Ленина в истории освобождения трудящихся и угнетенных масс! Этот отрывок мог бы быть включен в наши учебники, как образец художественного произведения.

Цитированная песня не составляет исключения. Художественных образов в революционном эпосе народов Советского Востока найти не трудно. Сравнить хотя бы следующий образ со всеми теми отрывками, которые мы цитировали из индивидуального творчества:

Разве можно тушить пылающую степь?
А огонь сердца Ленина был в тысячу раз сильнее!

Перед вами открывается грандиозная картина степей, где кочевник не в состоянии осмыслить борьбу со стихией — пожаром, где он бессилен перед ним. Пылает степь, а тушить житель степей едва ли может. Его техника примитивна, его борьба за существование протекает в социально-сложных и трудных условиях. Он зависим от природных условий. Сила, которая пугает его, мощь, перед которой он так беспомощен — степной пожар, но для кочевника оказалась новая сила и новая мощь. Это — ленинское дело. Он понял его и измерил ему доступными образами и пространствами.

А вот и примитивное представление о ленинских заветах:

Ленин освободил пол-мира,
Самых угнетенных и темных,
И сказал остальному пол-миру:
— Я показал вам пример. Учитесь на своих
братьях!

И исчез бесследно, а чтобы не было недоумений,
Тело свое он оставил на земле
И завещал не уничтожать тело.

— В теле, сказал он, частица моего духа.
 Положите его на видное место.
 Если кто сробеет в великой борьбе,
 Пусть подойдет ближе к моему телу —
 И опять гневом запыхает сердце его,
 И преисполнится он смелости,
 И сильным будет дух его,
 И опять он пойдет на борьбу,
 Храня в памяти мои огненные заветы,
 И уши его в бою будут слышать
 Мои призывные слова.¹

В устном творчестве народов Советского Востока в данное время мы имеем, несомненно, ценный, богатый и в художественном отношении интересный материал о Ленине.

Эпос о Ленине создан у народов Советского Востока в течение буквально нескольких лет. Последнее обстоятельство в свою очередь ставит под вопрос сложившееся мнение, будто народное творчество весьма консервативно и подвергается чрезвычайно медленным изменениям. Уже теперь можно было бы издать внушительный том народных песен, легенд, сказаний о Ленине, которые известны широким трудящимся массам народов Советского Востока. А ведь нам известна только незначительная часть всего того, что создано народным творчеством за последнее время и что записано некоторыми неутомимыми любителями эпоса. Надо прибавить также, что песни и легенды о В. И. Ленине поются на далеком Севере у остяков и ламутов, и народов Средней Азии: узбеков, таджиков, туркмен, уйгуров и т. д., в горах Кавказа — у осетин, кумыков, аварцев и т. д. и т. п. Народные певцы: ашуги, бахши,

¹ Записано А. Соловьевым в Канибадаме (Средняя Азия) в сентябре 1925 г.

гафизы разносят эти песни из аула в аул, из кишлака в кишлак, из деревни в деревню.

Народные певцы, порою неграмотные, а иногда и слепые, пользуются большим гостеприимством у крестьянина и кочевника Советского Востока. В своих песнях народные рапсоды впервые на Советском Востоке воспевают электрификацию, приход трактора, земельно-водную реформу, Октябрьскую революцию, и больше всего, естественно, В. И. Ленина. Необходимо здесь же констатировать, что этот ценный материал не только не изучен, но и в достаточной мере не собран и не систематизирован.

О чем поют народные певцы? На этот вопрос отвечает одна песня, которая записана в кишлаках Ферганской области в 1925 г. А. В. Соловьевым:

Мы, таджики, поем о том, что видим и что внушает
 нам мысль о песни...
 Если мы видим красивую лошадь, мы поем о ней
 песню.

Эту песню будут знать только певшие ее, а остальные
 никогда этой песни не узнают.
 И это произойдет потому, что лошадей, достойных
 Песен, очень много, и каждый будет петь про ту,
 которую видел он.

Но есть у нас песни, которые слагаются сладко-
 звучными гафизами.

И эти песни предназначены для путешествия по
 рубежам годов и иногда веков.
 Такие песни, прошедшие три века, слагал Фикрат,
 а позже Нахани.

Они пели о красавицах и цветах.
 Сейчас есть много гафизов, немногим уступающих
 Фикрату и Нахани.

Но поют гафизы не о красавицах и не о цветах.
 Они поют о новой свободе.
 Они поют об аэроплане.
 Они поют о благоденственной будущей жизни.
 Но больше всего они слагают песен о Ленине.

И это они делают потому, что без Ленина не родилось бы никаких песен,
Кроме тех, которые похожи на визг собак, т. е. таких, которые восхваляли царя Николая
И его генералов, полковников и солдат.
Ленин дал гафизам право петь о чем угодно.
И они сразу все запели о нем.

Эта песня записана в 1925 г. в Ферганской области, где незадолго до этого басмачеству удалось втянуть в свои ряды некоторое количество крестьян. Эта песня пелась в кишлаках Ферганы через год после национального размежевания Средней Азии, после ликвидации басмачества, когда партия и советская власть приступили к мирному строительству. Гафиз — это тот же самый дехканин. Если гафиз в 1925 г. свою песню посвящает Ленину, следовательно, дехканину стал в достаточной степени понятен, близок В. И. Ленин. Иначе он — тот же самый отсталый дехканин, который не видел и не слышал Ленина, не читал его работ, не прошел также в то время курса школы политической грамоты, но прошел суровую школу национального и классового угнетения, не пел бы в своих песнях:

Нас много на земле, освобожденных Лениным,
Узбеков, урусов, таджиков и других народов,—
У всех в крови есть капля крови Ленина,
И мы отстоим свою свободу.
Наши мечи блестят!
Наши ружья заряжены!
Наши пушки готовы к бою!
Мы оседлали боевых коней!
И в бою, который будет скоро,
Сойдет к нам сверху могучий Ленин,
И его огненный меч в сияет новым светом,
И его грозные слова прогремят над миром.
И пойдет он впереди нас,
А мы хлынем за ним, как силь, на врагов,

Как силь, ничего не щадящий, ни перед чем не останавливающийся,
Будет много крови и дрогнут враги,
И побегут они перед нами,
А мы с Лениным пойдем вперед и вперед,
И поднимем именем Ленина всех рабов.
И не будет возврата старому,
И загорится над землей новое солнце.¹

Правда, перелом в народном творчестве среднеазиатских народов мы замечаем лишь после целого ряда экономических и политических мероприятий, проведенных партией и советской властью после эпохи военного коммунизма. Однако, имя Ленина, как вождя угнетенных масс, задолго до этого стало известно в далеких окраинах бывшей России. Еще в 1920 г. в киргизской газете была напечатана песня молодой женщины из китайских киргизов. Эта песня начинается следующими словами:

Если ты увидишь Ленина, то передай ему эту песню,
Песню вечного страдания и рыдания рабыни-киргизки в Китае.

Во всех легендах и сказаниях народов Советского Востока образ Ленина связан исключительно с борьбой с царизмом, буржуазией, эксплуататорами всех видов и вообще всякого рода „злыми силами“. В каждом конкретном случае в зависимости от того, в каком районе, у какого народа сложилась легенда, борьба Ленина с эксплуататорами принимает ту или иную форму, близкую и понятную коренному населению. Одна черта свойственна всем легендам о Ленине. Он представлен, как великан или герой с огромной физической силой и находчивостью. Ленин переворачивает скалы, Ленин днями борется

¹ Записано в кишлаке Тюлемень, Ферганской обл., в июле 1927 г. Журнал „Прожектор“, 1929 г., № 3 (173).

со штормом, Ленин преодолевает всякие препятствия и трудности и всюду он не падает духом.

В этом отношении интересна одна остяцкая (самодская) песня, литературная обработка которой принадлежит А. Максудову.

Старик остяк готовит своего сына в старшины. Он рассказывает ему о Ленине и дает полезные советы. Старик хочет, чтобы его сын стал не обыкновенным старшиною, а таким большим и сильным, каким был Ленин. Ленин, оказывается, в молодости жил такой же простой жизнью, как любой остяк в тундрах: „Оленей пас, бил зверей, совсем легко, шутя бросал аркан на 40 сажений“. Но природа севера сурова. В борьбе с природой человек не всегда оказывается победителем. Поэтому старик-остяк в своем рассказе подчеркивает, что Ленин выдержал и победил стихию и врагов:

Однажды Ленин вышел в море,
Тюленей бить (достать их жир),
Вдруг шторм сильный — горе, горе!
Унес человека в морскую ширь.
Затихло море, вновь сердчало,
И лед кругом сковал челнок;
А Ленин ел моржовье сало,
Ночей не спал и весь продрог.
Так плыл он долго, долго очень,
А сколько плыл, не знал никто.
Лед тоньше стал и менее прочен, —
Заплыл туда он, где тепло.
Собрав с трудом остаток сил,
Взмахнул веслом на солнце прямо —
Сын Ямао-хе-хе был упрямый —
И вот до берега доплыл.
Ему навстречу звери и люди:
— Приди к нам в чум и отдохни,
Потом с тобой тягаться будем —
Покажешь силы нам свои;

А Ленин им: „Я хоть устал,
Но бить вас хватит сил моих“.
Стрелою взор, скривил уста,
Аркан накиннул на троих,
Связал и бросил в моря пасть;
Топор метнул — двоих рассек...
И не успел один упасть,
Копьем пронзил его в висок...

Дальше борьба становится серьезной. Ленин убивает царя, купцов, скупающих за бесценок пушнину. Отняв у последних награбленное ими богатство, Ленин раздает бедноте. И только после всего этого, решив, что больше не осталось злых людей, спокойно умирает. И на небе появляется новая большая звезда — это звезда Ленина. Старик-остяк обращается к своему сыну:

Как целью всех своих стремлений,
Я вижу в том, Хасаваню (мой сын),
Что станешь ты таким, как Ленин,
И в небе дашь свою звезду.

В этой примитивной песне Ленин представлен не как руководитель и вождь рабочего класса, а как народный герой-защитник бедноты, и непримиримый враг эксплуататоров, в частности скупщиков пушнины. Старик-остяк воспитывает своего сына на ленинском примере.

Наряду с физической силой и ловкостью, Ленин в народных песнях одарен большими умственными способностями. Он подвергается испытаниям и по этой линии. Любимые черты восточных легенд — загадки — занимают значительное место и в ленинском эпосе. Этим способом проверяют умственные способности любимого героя. И вот Ленин то аллахом, то злыми силами, то советом мудрецов подвергается экзамену, который выдерживает бле-

стяще. Излюбленная форма восточных легенд: испытание героя или вождя целым рядом умственных упражнений, повторяется и в ленинском эпосе. Мы не можем не привести, хотя и длинную, цитату из одной легенды, в которой так рельефно передан восточный колорит ленинской легенды:

Аллах собрал всех слуг своих
И спросил:
— Кто сделает счастливой землю?
Кто из вас пойдет в эту бездну горя и крови
И прекратит убийства и грабежи?
Стал аллах выбирать сильнейшего и умнейшего,
Кто бы в силах был пойти на землю
И сделать землю счастливой
И положил большой камен, весом в шестьдесят пудов,

И сказал:
Того пошлю на землю,
Кто перевернет камень!...
Потом он задал три загадки:
Кто сильнее всех в этом мире?
Кто счастливее всех в этом мире?
Кто слабее и несчастнее всех в этом мире?
Многие пробовали перевернуть камень,
Но не могли даже пошевелить его.
Многие отгадывали загадки,
Но ответы их были лживы и неумны.
...И одел аллах халат дервиша,
И сошел на землю, окровавленную и измученную,
И стал искать освободителя среди людей.
Первым увидел он человека,
Перебрасывающего куль с зерном, как мячики,
И подошел к нему и сказал:
— Идем со мной человек.
Привел его аллах к камню

И сказал:
— Попробуй. Переверни!
Человек взял за край камня.
Поставил его на ребро, — и вдруг упал мертвым от натуги.

Дальше пошел аллах, и много людей он пробовал,
Так много, что на камне
Осталось пять углублений от пальцев рук,
Пробовавших поднять камень.
Но не находил подходящего аллах.
И тогда он в горести и печали
Задумался, где ему искать избранника,
Увидел он человека с высоким лбом,
И сказал себе:
— Попытаю этого.
Он повел человека к камню и сказал:
— Попробуй. Переверни!
Когда снял человек рубашку,
Заплакал аллах: у человека руки были ломкие,
И не его рукам было перевернуть камень...
Но человек и не взялся за камень, —
Он пошел принес два бревна
И одно подсунул под камень,
А другое положил под первое.
И, нажав на другой конец,
Камень перевернул легко и без усилия.
И когда камень был перевернут,
Из под камня потекла кровь.
Аллах увидел ок-илена,
Который держал камень с силой ста пудов
И не давал перевернуть его предшествующим,
Ибо нет человека, могущего поднять
Шестьдесят пудов веса камня и сто пудов силы ок-илена.
И изумился аллах уму своего избранника,
Который, не обладая силой, перевернул 160 пудов,
И задал ему три загадки
И получил ответы, достойные великого мудреца.
Избранника звали Ленин.

В народных сказаниях, наряду со всеми положительными особенностями, чертами художественной формы и образами, мы находим много, если не реакционного, то по крайней мере консервативного. Это выявляется почти во всех легендах и сказаниях в следующем.

Ленин действует индивидуально. Он — герой, он одарен божественной силой и т. д. Правда, Ленин борется за счастье трудящихся, за победу бедноты над всеми эксплуататорами. Однако, он эту борьбу ведет индивидуально, самостоятельно.

Перейдем к вопросу, как в народном творчестве описана биография Ленина.

Кто был Ленин? Этот вопрос не может остаться без ответа в народном творчестве. Ведь нельзя же заставлять говорить о себе весь мир, если не имеешь необыкновенного происхождения. В легендах обычно историческая личность получает мифическое происхождение. Вождь пролетариата и угнетенных народов также в революционном эпосе рождается не как обыкновенный смертный. Его рождение сопровождается необычайным событием.

В одной узбекской песне-диалоге, записанной в сентябре 1924 г. в старом Коканде, сказано:

Первый певец. Мало ли звезд на небе? Выделишь ли ты из них самую яркую? Мало ли песчинок в бархане? Выберешь ли самую большую. Мало ли людей на земле? Найдешь ли самого славного?

Второй певец. Я не выберу из миллиона огней самый яркий и из миллиона миллионов крупинок — самую большую. Но из миллиона людей я нахожу самого славного.

Первый певец. Кто?

Второй певец. Ленин

Первый певец. Ты прав, он затмил величие железного Тимура.

Второй певец. Тимур — ничто.

Оба вместе. Где прошел Тимур — не росла трава.

И умирал в поле суслик,

И в пустыню превращалась земля,

Пораженная железной хромой пятой.

Первый певец. Вздогнул царь, когда Ленин родился.

Второй певец. Вздогнули все цари, когда Ленин сказал первое слово.

Первый певец. И это первое слово было...

Второй певец. Хлеб и свобода.

Оба вместе. Ленин сверг насилие и гнет,

Ленин сам бедняк, но родился он

От месяца и звезд и от них получил силу.

И сделал доброе дело.

Первый певец. У него правая рука по локоть была золотой.

Второй певец. И в жилах его тек огонь.

В другой легенде Ленин свою мудрость, знание получает не у кого-либо, а у аллаха. При чем аллах сам добровольно уступает ему часть своих способностей. В целом ряде народных песен Советского Востока беспомощный аллах в безвыходном положении плачет. Пробовал он послать своих помощников на землю в целях освобождения трудящихся. Обычно цари убивали этих послов аллаха, а гнет увеличивался. Потерявший всякую возможность воздействия на угнетателей аллах рыдает. По совету мудреца, он обращает внимание на молодого человека по имени Ленин:

И вложил аллах в глаза Ленина светлую воду;

И дал ему возможность проникать в чужие мысли;

И в уста его он вложил огненный язык;

И дал Ленину возможность поражать этим языком своих врагов;

И вылил он кровь из жил Ленина,

И небесным огнем наполнил его жилы.

Встречаются, однако, сказания, в которых указывается, что Ленин в молодости не хотел кровопролития, войны и убийств. Он стремился мирно разрешить проблему социального неравенства. И вот аллах, все тот же аллах, избрав его спасителем человечества, решил принести еще одну жертву.

Цари убивают старшего брата В. И. Ленина — Искандера. Искандер — это Александр Ульянов. Он, старший брат Ленина, не выдержав гнета, объявил газават царю и буржуазии. Его убили:

И ярость забушевала в сердце Ленина,
Как ветер ночью в глухой степи.
И заковал он сердце, выбросив из него жалость,
В железную броню бесстрастия.
В его жилах загорелся небесный огонь
И гнев охватил его великий ум.
И страшен был гнев земного освободителя.

Это все, однако, не значит, что Ленин был жестокий, мстительным и суровым. Эти качества проявляются у него лишь по отношению к угнетателям. К угнетенным и беспомощным у Ленина совершенно обратное отношение.

В сказании „Ленин и Кучук-адам“ подчеркнута эта сторона ленинского характера.

„Вышел из гор Ленин в степь и мягки были степи под ногами его. Ядовитые змеи, ящерицы и лягушки уползали с дорог, чтобы своим видом не осквернять глаза Ленина, а сами тайком из травы смотрели на него и плакали, что никого не оставил Ленин без ласки, кроме них. Ленин услышал этот плач и позвал к себе змей, ящериц и лягушек и всех прочих гадов, всех обласкал их, не оставил никого незамеченным. В счастье расплазались по норам гады и говорили:

— Вот первый человек, который, видя нас, не хватается камня, а гладит нас и говорит нам ласковые слова“.

Действительно, это первый человек, который так близок угнетенному Востоку. Трудящиеся Советского и зарубежного Востока в Ленине нашли своего защитника, а народные певцы посвящают Ленину свои песни.

СМЕРТЬ ЛЕНИНА В УСТНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В послереволюционном эпосе народов Советского Востока смерть Ленина занимает исключительное место. Нет уголка в Союзе ССР, где еще существует устное творчество, где певцы импровизаторы слагают свои легенды и сказания, где не создали бы героический ленинский эпос. Телеграфная весть, а затем и газетные сведения, создали если не панническое настроение у кочевников и отсталых народов СССР, то по крайней мере тревожное состояние. Это чувствуется и передается в песнях, записанных в 1924 г. непосредственно после смерти Ленина. Перед отсталым дехканином, крестьянином, кочевником стоит один вопрос: как быть дальше? Кто же после Ленина будет его защищать? Кто будет бороться с угнетателями? Он — творец ленинского героического эпоса, отсталый национал еще не осознал мировую историческую роль и мощь пролетариата. Он еще не дооценивает (а порою и не знает) роль коммунистической партии. Он еще до реальности не осознал значение смычки рабочего класса и крестьянства при пролетарской диктатуре. Всего этого он еще не знает. А если знает, то весьма смутно. Поэтому его тревога естественна, хотя и не имеет под собой реальной почвы.

Смерть Ленина повергла нас в глубокую печаль,
И слезы затуманивали миллионы глаз,
С рыданием смешивались наши слова:
— Ленин! где ты?.. Ленин!.. Ленин!..
Под его руководством мы шли по тропе жизни
И не знали забот и горя.
— Ленин!.. Где ты?.. Ленин!.. Ленин!..
Осмотришься назад, узбек!
Где великие мира?

Где Александр Македонский? Где Тамерлан?
 Ленин там же!
 Когда он отошел от этого мира,
 Его друзья, т. е. мы, облеклись в глубокий траур,
 И беспрестанно восклицали!
 — Ленин!.. Ленин!.. Вернись!..
 Будьте внимательны,
 Он испил из чаши смерти тленного напитка,
 И прекратил бытие...
 Такова участь всех людей...
 Но славное имя будет жить в веках,
 Будет жить в веках имя Ленина,
 Дехкан, не плачь! Ленина не вернешь!
 Лучше подумай, как жить без него.

В эти трудные минуты, когда основная масса
 трудового народа Советского Востока узнала роко-
 вую весть о смерти Ленина, певцы-импровизаторы
 философствовали о смерти вообще. Понятие смерти
 обескураживает. В их песнях чувствовались расте-
 рянность, беспомощность, а отчасти и покорность
 перед смертью. Жили, умирали великие люди!
 Александр Македонский, Тамерлан. Жил и есте-
 ственно должен был умереть Ленин. Правда, нельзя
 сравнивать жизнь Ленина с известными историче-
 скими именами. Такого сравнения в песнях народов
 Советского Востока мы не находим, но перед смертью
 защитники бедноты, как и враги ее, одинаковы:

Все мы в этом мире тленны, смертны,
 Пьем из чаши тленный смертный яд,
 И ни царь, ни нищий и ни грешник
 Не избегнут жала смерти!..
 И над Лениным, высоким и славным,
 Свисла ее костлявая рука,
 И он, в правлении которого отражалось величие Але-

ксандра,
 И он... Зажмите уши! Вас поразит страшная весть!..
 И он... Стисните зубы... Он умер!!!
 Его жизнь была чиста, как луна в небесах,

Он ни разу не сделал зла беднякам,
 Он был с ними так же добр, как был зол с врагами!
 Его жизнь начала угасать давно. И угасла не рано
 Для его лет, но слишком рано для нас,
 И когда он умирал, сознание не оставляло его,
 И на его устах были слова:
 — Берегите бедняков и детей.

Пессимистическое настроение и тревога сравни-
 тельно быстро исчезают. Как может умереть пророк,
 халиф? Человек, который создал новую эру для
 всего трудящегося человечества, не умирает:

Ленин ли умер? Нет? Умерло его тело.
 А сам он не мог умереть.
 Пророки не умирают.
 Не может умереть сын месяца и звезды,
 У которого в жилах не кровь, а огонь.
 Когда он умер, мы не поверили
 И мы не верим до сих пор.
 Он не умер. Это видно из того, что его тело
 До сих пор цело. А тело всякого другого
 Давно бы стало прахом.
 Он спит, иногда открывает свои глаза,
 И они горят радостью.

Чрезвычайно легко в приведенных отрывках уста-
 новить смешение, если хотите, своеобразное сочета-
 ние, двух начал: легендарного и реального. В леген-
 дарном много еще фаталистического, мистического
 элемента. Пророк не может умереть; ни царь, ни
 нищий, ни грешник, не избегнут жала смерти; не
 умирает сын луны и звезды и т. д. Наряду с та-
 кими рассуждениями мы встречаем в траурных пес-
 нях и легендах вполне реальную мысль. Ленин,
 умирая, не теряет сознание. Он завещает: „Бере-
 гите бедняков и детей“. Это ведь очень характерно
 для восточного эпоса. Украшая традиционным одея-
 нием восточных легенд, народный певец совре-

менности вкладывает совершенно новое содержание. И это содержание имеет явно классовый характер. Мы уже видели, что в устном творчестве передан смысл ленинского политического завещания, естественно, в аспекте и размерах крестьянского миропонимания. Одновременно с этим в восточном эпосе передано отношение различных классов, как к Октябрьской революции, так и к смерти Ленина. Характеристика, данная по этому поводу в одной узбекской песне, своей четкостью и правдивостью поражает читателя. В песне описан момент смерти Ленина:

В этот роковой час дрогнули сердца всех людей:
Одних от великой радости,
Других от великого горя.
И в одном кишлаке, в одной кибитке
По разному думали об этом часе.
Хозяин-бай хотел плясать от радости,
А его работник мешал пот со слезами.
В городе рабочие плакали, как дети,
А торговцы, сидя в своих лавках,
Тайком улыбались от радости.
Дехкан в поле гред холодную землю слезами,
А его хозяин устраивал на радости плов...

В простых образах и картинах передано классовое понимание потери Ленина. В конце января, когда дехканин выходит на полевые работы, а земля еще холодная, он слышит роковую весть — смерть Ленина. Он греет холодную землю своими слезами. А тем временем его хозяин от радости устраивает плов, торговцы же тайком улыбаются. Повторяем: в художественном отношении примитивная песня дехканина дает правильную оценку отношений классов к факту смерти Ленина.

В траурных песнях о Ленине много слез, рыдания и отчаяния. Мы отмечаем лишь те, которые появились

в первые дни и месяцы после его смерти. В дальнейшем, через непродолжительное время, тот же дехканин, горец или кочевник, убедившись в большевистском руководстве в стране, создает другие песни, более оптимистического характера. Конечно потеря Ленина не сглаживается в новых песнях. Естественно, что Ленин остается в восточном эпосе, как индивидуальный борец за счастье бедноты, как пророк. Но уже в новых песнях говорится о мюридах, о молодежи, о смене. С этой точки зрения интересна бурятская песнь о Ленине. Правда она несколько упрощена, но интересна:

Облегчившему участь каурой лошади,
Высокому воину — благодарность.
Облегчившему участь хлебопашцев,
Красному Ленину — благодарность.

Облегчившему участь саврасой лошади,
Быстроному воину — благодарность.
Облегчившему участь трудовому народу,
Коммунисту Ленину — благодарность.

Измученного серого коня
Вагон, появившись, ошастливил.
Под буржуями задавленных
Большевик, появившись, ошастливил.

Издавека вагон появился,
Моему обузданному коню помогает,
Вблизи меня школа открылась,
Темному мне глаза открывает.

Упавший с севера ветер
В березках шумит.
Вступившие в комсомол друзья
В школе шумят.

Пламя огня, горячее, светлое,
Труд да огниво —
Много народу к жизни поднявший
Ульянов Владимир.

Когда перестал итти мелкий дождик,
 Полегче стало птенчику жаворонка,
 Когда установилась большевистская власть,
 Бурятскому народу стало легче и лучше.

Когда перестал итти сильный дождик,
 Полегче стало птенцу болотной птицы,
 Когда установилась власть Ульянова,
 Народу стало легче и лучше.

Жалко, когда плавающая по воде лодка
 Уносится течением,
 Жалко, когда освободитель народа Ульянов
 Уносится смертью.

Если красный платок изнашивается,
 То пусть город Удинск соткет.
 Если Красный Ленин умер,
 То пусть его заменит молодежь.

КЛАССОВОЕ ЛИЦО РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭПОСА

Мы уже отметили, что ленинский эпос отражает, если не все, то по крайней мере основные черты местного быта. Ленин борется, как закаленный рыбак или оленевод у народов севера в остяцких преданиях, убивает скупщиков пушнины, помогает туземцам; Ленин — опытный охотник, наездник у народов скотоводческих районов; Ленин — вожь бедноты и безземельных крестьян в сельскохозяйственных районах. И тут и там он выступает, как защитник и руководитель эксплуатируемых масс. В этом мы усматриваем ценность современного революционного устного творчества. Тут еще нет классовой оформленности, как и нет идеологической четкости. Но здесь наблюдается особенность, которую надо признать существенной. Это — понимание классовой природы пролетарской диктатуры. Октябрь — про-

летарская диктатура и Ленин в представлении кочевников и земледельцев восточных окраин Советского Союза неотъемлемо связаны между собою. Ленин и Октябрь в устном творчестве представлены как символ неутомимой борьбы и победы. Естественно, что борьба и победа пролетариата оформляются в песнях и сказаниях в локальных образах, выражениях и пространственном отношении замыкаются горизонтом отсталого крестьянина.

Наряду с этой чертой, безусловно положительной, мы почти во всех песнях, сказаниях и легендах революционного эпоса послеоктябрьского периода Советского Востока специально находим игнорирование с одной стороны ведущей роли пролетариата, с другой, примиренчество по отношению к религии. По поводу примиренчества к религии мы остановимся ниже. Здесь постараемся ответить на первый вопрос об игнорировании гегемонии пролетариата.

В литературных образцах послереволюционного восточного эпоса мы не нашли хотя бы одной песни, посвященной Октябрю или Ленину, в которой было бы упомянуто о пролетариате, о роли его в Октябрьской революции или о том, что Ленин является пролетарским вождем.

Этого нам не удалось найти. Причина? Конечно, не в том, что создатель ленинского эпоса на Советском Востоке — крестьянин, главным образом, умышленно игнорирует роль и характер пролетарской диктатуры. Абсолютно нет. Не нужно забывать, что безымянный автор ленинского эпоса является, главным образом, тем же отсталым крестьянином восточных окраин нашего Союза. Отсутствие крупной промышленности, как и пролетариата народов севера: остяков, ламутов, якутов и др., у народов

и племен Средней Азии, Кавказа, кладет свой отпечаток на характер эпоса. Есть районы в СССР, где на протяжении нескольких сот километров нет даже железной дороги. Не будем писать о других особенностях, определяющих характер не только эпоса, но и индивидуального творчества.

Одно бесспорно: трудовая часть крестьянства восточных окраин поняла, что Октябрь и Ленин освободили ее от русского и местного эксплуататора. Поэтому классовая характеристика Октябрьской революции и Ленина принимает своеобразное крестьянское содержание и формы. Революцию делает не класс, а Ленин, как герой, пророк и борец за счастье бедноты. В такой форме и с таким содержанием передает анонимный автор ленинского эпоса свое понимание пролетарской диктатуры. В ленинской борьбе за счастье бедноты принимают участие небесные тела, зоологический мир и все, кто народным верованием считается святым, чистым и другом земледельца в первую очередь. В таджикском сказании „Ленин и Кучук-адам“ умело передан крестьянский вариант ленинской борьбы.

„Недавно было это. Еще живы все люди, которые помнят тяжелые дни. Земля окуталась в плащ невзгод и горя. Стылились люди под ярмом богачей, лили слезы и жаловались степи, солнцу и звездам на земной производ.

Тогда на земле появился Ленин и сказал степи, солнцу и звездам:

— Вот он, чья рука создаст новый мир!

Ленин не делал и не говорил ничего, но богачи знали, что должен притти на землю огненный мститель, и ледяными от ужаса стали сердца их, когда слышали они о Ленине.

Собрали они совет и подлыми языками лили яд в уши друг другу и шептали:

— Надо убить Ленина!

И вот злой колдун Кучук-адам, сердце которого поросло злобой и бесчестьем, соглашается убить Ленина за высокие вознаграждения. Начинается борьба. Кучук-адам преследует Ленина, а Ильич тем временем ищет красный и белый камень: кзыл-таш для борьбы, а ок-таш для счастья. Кучук-адам прибегает к хитростям, однако всегда оказывается побежденным, ибо окружающая флора и фауна активно помогают Ильичу.

„Горы давали, тень Ленину от зноя, и солнце умерило пыл свой и не накаляло камней, чтобы не жгли они ноги Ленина. Когда он хотел пить — небо проливалось дождь, когда он хотел есть — барсуки приносили ему пищу и джейраны давали ему молоко.

Так шел он пять дней и остановился поспать в одном ущелье.

Когда он заснул, очнулся Кучук-адам, лежавший у ручья и, собрав стаю демонов, обманул бдительность гор и пошел убивать Ленина.

Горы не заметили его. Он пронесся над горами. Небо спало и не заметило его. Но заметил его маленький воробей. Он напряг всю силу своих слабых крыльев и полетел к Ленину быстрее ветра, предупредить его об опасности.

Он прилетел раньше Кучук-адама, предупредил Ленина и упал мертвым.

Ленин разбудил горы, натер меч свой поясом Али и стал меч тяжелым и огненным, а когда налетела на него черная стая, то горы сдвинулись и образовали крышу, а некуда было бежать демонам, а огненный меч разил их и жег.

Пали все демоны в этом ущелье, а Кучук-адам, превратившись в червяка, прополз в щель между гор и убежал от гнева Ленина.

Когда утром взошло солнце и растопило мрак в ущелье, нашел Ленин среди трупов демонов труп маленького воробья, зарыл его в землю и, поцеловав могилу, сказал горам:

— Воздвигните над телом его гробницу великую и великолепную, ибо мало было тело его, но велик дух, и жизнь свою он отдал за общее счастье!

Сдвинулись горы над могилой воробья, и ушла гробница, равной которой не было ни у кого, вершиной за облака и рассказала тучам о смерти воробья.

Тучи, собравшись около вершины, слушали и плакали, что умер в маленьком теле великий и сильный дух.

Дальше пошел Ленин, а Кучук-адам, забежав вперед, перегородил дорогу ему саем.

Отравил он воду в сае и думал:

„Коснется Ленин воды и умрет, пораженный ядом“.

Но Ленин подошел к саю и бросил в воду палку. Палка сгорела, сожженная ядом, а Ленин крикнул орлов, и перенесли они его через сай.

Кучук-адам, увидевши неудачу, побежал вперед и, дождавшись, когда Ленин лег спать под горой, забрался наверх и хотел сверху сбросить трехпудовый камень на голову Ленина.

Но камень опустился вниз тихо и лег около головы Ленина, стал мягким, как пух, и положил Ленин камень под голову вместо подушки.

В ярости стонал и грыз камни проклятый, огненный Кучук-адам, и бросал богохульство в небо, но небо отвечало ему презрительным молчанием.

Пролил от злобы слезы Кучук-адам, и слезы те, падая на каменные скалы, прожигали камень насквозь“.

В этом сказании весь мир разделен на два лагеря: мир бедноты и эксплуатируемых, вождем которых является Ленин, и мир эксплуататоров. Ту же самую мысль проводит также лезгинская народная песня (Дагестан), которая начинается философскими рассуждениями о том, что мир похож на постоянный двор, что все течет, все меняется:

Надень же, товарищ, черную одежду,
Ибо помощник бедноты покинул нас.
Наши гордо поднятые головы снова упали на грудь.
Светлый день стал для нас ночью.
Светлые глаза потемнели, ибо нет крестьянского
вождя.

Он не заботился о себе.
Он думал лишь о нас, крестьянах.
Исчез наш сад, побит наш урожай —
Ленина нет.
Умер наш бедняк-Ленин!

В цитированной горской народной песне В. И. Ленин не только выведен как вождь бедноты, но и сам является бедняком. Горец рассуждает конкретно: бороться за интересы бедноты и руководить бедняцкой массой может лишь тот, кто сам бедняк. Отсталый горец еще не осознал роль пролетариата, как гегемона в борьбе за социализм. Лезгин, а вместе с ним и основная масса крестьянства, кочевников восточных окраин СССР, еще не осознал силу коллектива, мощь организованной массы. Он, находясь в „каменных мешках“ горах, где жизнь так сурова, а техника примитивна, не уверен еще в своих силах. Поэтому думает, что исчезнет сад, будет побит урожай, ибо Ленин умер физически. Таких пессимистических мотивов срав-

нительно мало. Есть более бодрые подлинно-революционные песни, в которых чувствуешь мощь и твердость воли, понимание ленинских заветов. К числу последних относится узбекская песня, записанная в Ферганской области в кишлаке Кучкак. В ней говорится:

Соединились богатые и властные
И, как тигры, накинлись на бедных и слабых,
И заключили союз между собой,
И стонали бедняки под их пятой.
Одному человеку по имени Ленин
Была предначертана самая благородная цель:
Освободить слабых и бедных от сильных и богатых.
Ленин был один, а врагов было много,
Но Ленин убедил слабых и бедных,
Что миллион песчинок образует бархан,
Что миллион зерен образует мешок,
Что миллион слабых образует большую силу.
И он оказался прав. После долгой борьбы
Победил он сильных и богатых,
И умер он, провожаемый нашим плачем
21 января 1342 г.¹

В песнях дехканина Ленин является не только вождем бедняцких масс, но и непосредственным помощником в их работе. В этом отношении характерна песня „Ленин и дехканин“, в которой ленинская борьба за освобождение угнетенных масс конкретизируется до примитивности. Мы эту маленькую песню приводим целиком, как чрезвычайно показательную и характерную:

Если Ленин видел, что на дехкана напал грабитель,
То Ленин хватался за меч,
И защищал дехкана, не жалея собственной жизни.
Если Ленин видел, что у дехкана заболело дитя,
То он сам брался за лечение,
И спасал ребенка.

¹ Старое мусульманское летоисчисление.

Если Ленин видел, что у дехкана тяжелая работа,
С которой трудно справиться одному,
То он брался за камень и помогал дехкану в работе.
Таких, как он, никогда не было нигде,
Таких великих и простых,
Занимающих самое высокое положение,
И не гнушающихся есть за одним столом с бедняками.
Поэтому дехкане полюбили Ленина,
И реки слез вылились после его смерти.

Ограничиваясь этими примерами можем притти к некоторым обобщениям. Все знакомые нам песни и сказания, посвященные Октябрьской революции и Ленину на Советском Востоке, носят прежде всего ярко крестьянский характер. В этих песнях Ленин непримирим. Он борется за освобождение бедноты, он жестоко подавляет и уничтожает всех эксплуататоров. Эта черта ленинского эпоса чрезвычайно интересна, как черта интернациональная. Это несомненно чрезвычайно существенно отметить.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ

К сожалению, до сих пор ни собиратели эпоса, тем более исследователи, не обращали внимания на весьма важную сторону послеоктябрьского эпоса, т. е. на религиозные и антирелигиозные мотивы. Нельзя сказать, что этот вопрос представляет лишь научно исследовательский интерес. Нельзя также утверждать, что чрезвычайно глубокие процессы антирелигиозного порядка в народных массах восточных окраин СССР на основе новых производственных отношений (колхозное строительство, земельно-водная реформа, трактор и т. д.) в достаточной мере изучены. А между тем народные песни, отображая в той или иной мере реальную картину

сегодняшнего аула, кишлака и кочевья, а также происходящую там классовую борьбу, могли бы до некоторой степени показать эти происходящие процессы. Конечно, ошибочно утверждать, будто народные песни могут дать реальную картину религиозного состояния аула и кишлака. Однако, классовое расслоение аула и кишлака, обострение классовой борьбы и вообще социальные сдвиги и процессы передаются через народные песни, через устное творчество. Бесспорен тот факт, что передача происходящих социальных сдвигов в ауле, кишлаке и кочевьи через эпос не может дать картину сегодняшнего состояния классовой борьбы. Для того, чтобы эта борьба оформилась в сознании кочевника, горца и дехкана, а затем и оформилась в народных песнях, нужно значительное количество времени. Идеологические процессы отстают от производственных отношений. Это относится также и к устному творчеству, к революционному эпосу.

Разве не показательна следующая туркменская песня, сложившаяся в честь десятилетия Октябрьской революции? Разве в этой упрощенной, примитивной, своеобразной, но в основном верной песне мы не находим ответа на поставленный нами вопрос?

Октябрь байрам не курбан байрам,
Беднота не смеялась в курбан байрам.
Веселился тот, кто резал для муллы овцу,
Известно, что овцу зарежет тот,
У кого их много.
В октябрьский праздник
Никаких жертвенных овец,
Без этого весело бедноте,
Яшасун ¹
Праздник безовечников, Октябрь!

¹ Да здравствует.

В художественном отношении довольно примитивной песне Туркмении противопоставлены два мира, два праздника. Этим праздникам дан классовый оттенок. Мулла — представитель ислама, бай — угнетатель, это один мир. Октябрьская годовщина, праздник бедноты — другой мир. В этом мы усматриваем важность и интерес устного послереволюционного творчества на Советском Востоке. Нельзя утверждать, что в религиозном отношении произошел такой резкий перелом на Советском Востоке, о котором уже свидетельствуют народные песни. Такая точка зрения была бы в корне ошибочной. Можно и нужно говорить о сдвигах, при чем о значительных, отобразившихся даже в устном творчестве.

В революционном эпосе Советского Востока своеобразно преломилось отношение пролетариата, компартии и Ленина к религии. Можно констатировать одну общую особенность, характерную для земельных и скотоводческих районов. Это — примиренчество по отношению к религии, которое выразилось также в революционном эпосе. Вождь мирового пролетариата — В. И. Ленин в революционном эпосе именуется халифом, великим пророком; Октябрьская революция — газаватом; Ленинская старая гвардия — мюридами; годовщина Октября — байрамом. Можно бы количество аналогий удвоить, утроить. Однако, дело не в этом. Сравнение и смешение терминологии имеют, как мы указали выше, свои причины. С одной стороны, влияет скудность языка и терминологий. Во многих языках Советского Востока отсутствуют не только технические термины, но и слова, не принадлежащие той или иной специальности. Отсталое хозяйство и низкая стадия культурного развития определяют степень раз-

вития языка того или иного народа. Естественно, что в таких случаях понятие вождь или руководитель может быть передано лишь существующими понятиями, как-то: шейх, патриарх, халиф, пророк. С другой стороны, сильное влияние ислама дает себя знать по сей день.

Дело, конечно, не ограничивается простой аналогией. Мы сказали, что в восточном эпосе революционный пролетариат в лице Ленина примиренчески относится к религии и аллаху. Это примиренчество имеет свои весьма глубокие корни. Октябрьская революция уничтожила русских колонизаторов, национальных эксплуататоров: баев, манапов князей, беков, ханов и т. д. Под руководством компартии крестьянство ведет борьбу с кулачеством. Крестьянство это не только поняло, но и осознало. Если ликвидирована экономическая зависимость бедноты и середняков от помещика и кулака, то еще значительно не уничтожена власть природы над крестьянским хозяйством. Экстенсивное крестьянское хозяйство беспомощно вести активную борьбу против природных шалостей: засухи града и т. д. В этой области аллах еще силен. Отсюда и примиренчество. Ленин ведет борьбу в революционном эпосе народов Советского Востока с байством, кулачеством, а мудрость свою получает у аллаха. В одной узбекской песне, записанной в Коканде в марте 1925 г., указанное примиренчество наглядно бросается в глаза. Нельзя отрицать в ней искренность, как и эмоцию. „Голос печали и горя слышен сильнее грома и шума ветров“. Это о смерти Ленина:

Над твоей могилой не молились богу
И не пели священных песен,
Но душа твоя беспрепятственно войдет в рай
И займет там место по левую руку аллаха.

В этом отношении большой интерес представляет киргизский сказ „Искандер и Ленин“, записанный в киргизском кочевье, в мае 1925 г., в Канабадамском районе Киргизский сказ является наилучшим примером того, как кочевник наших восточных окраин исторические события в своем сознании перерабатывает, дав им доступную для себя форму и содержание. В этом сказе кочевник-киргиз хотел передать ленинскую борьбу и победу пролетариата. Особенность этого сказа заключается в том, что борьба Ленина, как и борьба Александра Ульянова, была борьбою за ислам. Это, конечно, парадокс. Может показаться странным, даже невозможным, такой сказ. Неожиданное впечатление в значительной мере ослабевает при внимательном анализе вопроса.

Выше было указано, что сказ „Искандер и Ленин“ был записан в киргизском кочевье в Средней Азии. Писать о том, что среди киргизских кочевников муллы и ишаны являются представителями науки и мудрости, коран — единственным источником добродетели, а Мухаммед — пророк, несущий счастье земле, означает ломиться в открытые двери. Здесь можно спорить о степени религиозности киргизов. Можно отрицать фанатизм их. Может быть кочевник имеет весьма туманное представление об исламе и чрезвычайно слабое понятие о пророке. Возможно, что это так. Но трудно будет спорить о следующем: всякое явление — событие, факт, который выходит за пределы понятия кочевника, измеряются и определяются мерами пространствами и понятиями, доступными ему. Понятие о Ленине конечно выходит за пределы его представления. Кто Ленин? Он — киргизский кочевник знает его на основе той

ощущаемой реальности, которую почувствовал после Октября. Ленин, читаем в сказе, свергнул власть шайтана, т. е. колонизатора, бая и угнетателя. Как Ленин, так и его брат Искандер боролись за обладание кольца пророка, посредством которого можно победить шайтана.

„Далеко, далеко, в неведомых краях, за золотым закатом, за степями, за горами, там, куда никто никогда не ходил, на Иссык-Тау, жил праведник Худой-Бола. Вел он свой род от самого Магомета. Ушел он в пустыню, чтобы не видели глаза его горя и слез на земле.

А на земле тогда шайтан взял большую власть, и его ставленники властвовали и душили людей.

И Худой-Бола, запершись в своей пещере, плакал о земном горе, и его плач был безутешен и не прекращался 150 лет.

Он плакал, что нет среди людей человека со смелой и сильной душой, который прогнал бы с земли шайтана, и что сам он стар и не может вести борьбу.

Худой-Бола имел кольцо, подаренное Магомету богом, и в этом кольце была сила, против которой не мог устоять шайтан. Худой-Бола плакал, что некому из людей передать кольцо для борьбы.

И после того, как проплакал праведник сто пятьдесят лет, родились на земле у простой женщины два сына: Искандер и Ленин.

Искандер дожил до 18 лет, а в 18 лет рассказала ему мудрая мать о Худой-Бола и о кольце Магомета.

И решил Искандер освободить землю от шайтана. Он пошел на Иссык-Тау, где жил праведник, чтобы взять кольцо у него.

Он шел очень долго. Много раз всходило солнце. Много раз рождалась и умирала луна, прежде чем подошел Искандер к подножью Иссык-Тау.

Услышал он плач громкий и безутешный. Пошел по направлению плача и нашел пещеру Худой-Бола.

Он долго стучался в двери, но не отпирал праведник, потому что он отвратил лицо свое от людей, трусливых и жалких, лежащих, как черви, под пятой шайтана и не решающихся попробовать освободиться.

И до тех пор, пока Искандер не крикнул ему, зачем он пришел, не открыл ему двери праведник. А когда крикнул Искандер, то крик его услышали и праведник, и сорока, летевшая мимо.

Полетела сорока дальше и везде кричала, что скоро придет Искандер и освободит людей от шайтана.

Шайтан, услышав об этом, велел сделать засаду, и когда Искандер возвращался обратно с кольцом, то напали на него шайтановы слуги, отняли у него кольцо, а самого Искандера они удавили веревкой и глумились над его трупом.

Кольцо они заперли на 50 замков в пещере на Кара-Тау.

Заплакал पुще прежнего Худой-Бола, узнав о случившемся. В гневе он проклял сороку и лил слезы, думая, что никогда больше не освободится земля от шайтана.

И без погребения оставили слуги шайтана тело Искандера, и ветер и вороны не оставили костей его.

Через десять лет вырос брат Искандера — Ленин. Мать рассказала ему о шайтане, о Худой-Боле, об Искандере и о кольце.

Воспылал Ленин гневом против шайтана и жастью к погранным шайтаном.

Пошел Ленин к Худой-Боле, на Иссык-Тау. Худой-Бола дал ему кольцо, а чтобы не поймали Ленина слуги шайтана, сам провел по другой дороге.

Пришел Ленин и стал с помощью кольца бить шайтана и в один год свергнул его власть. Рабы утерли свои слезы и с удивлением смотрели на Ленина, которого не мог победить шайтан.

Когда Ленин сверг шайтана, он по белой лестнице ушел наверх, покинув на земле свое тело.

В вышеприведенном сказе мы отмечаем два характерных момента. Первый заключается в том, что борьба пролетариата во главе с компартией Ленина за пролетарскую литературу остается в сознании кочевника восточных районов Советского Союза в тени, почти не осознанной. Второй характерный момент — примиренчество по отношению к религии, к исламу: При глубоком анализе мы убеждаемся, что такое примиренчество в конечном итоге приводит к разрушению основ ислама. Что иное означает, как не беспомощность Худой-Болы, Магомета и аллаха, когда их всемогущее кольцо, которое имеет магическую силу против всякого вида угнетения, оставалось долгое время без всякого применения? А обладатель кольца — Худой-Бола плачет 150 лет! Это разве не показывает, что произошло значительное ослабление влияние ислама, когда в песнях указываются беспомощность, слабость и даже слезы аллаха и его праведников? Конечно, примиренчество остается пока. В этом заключается особенность, если угодно даже колоритность, восточного антирелигиозного эпоса.

Беспомощность аллаха подчеркивается в ряде послереволюционных устных песен в Средней Азии. Сила шайтана настолько внушительна, что аллах,

несмотря на все присущие ему положительные качества, не в силах ее побороть. Единственно, что остается ему делать... плакать. В цитированном нами выше, узбекском сказании „Ленин-освободитель“ отмечена безвыходность положения аллаха:

Как грузный медведь разрушает муравейник
И языком слизывает тысячи муравьев,
Так войны разрушили мир
И унесли тысячи жизней.

Эти войны создавали князья, баи, эксплуататоры, гнали крестьян на верную смерть. Терпел аллах, терпело небо. Но —

Когда переполнилась чаша терпения неба,
Когда кровью насквозь пропиталась одежда аллаха,
Когда от дыма пожаров и смрада дымящихся трупов
Нечем стало дышать на небе
Аллах собрал своих слуг.

Перед конференцией обитателей небесного общегития аллах поставил вопрос: кто сможет пойти на землю и сделать людей счастливыми? Кандидат должен обладать двумя свойствами: силой и умом. Избранник должен показать свою силу, перевернув камень в 50 пудов, а ум — посредством разгадки трех загадок.

Аллах против лести, подхалимства. Указывали и ему — аллаху, что

Аллах сильнее всех и счастливее,
Что несчастнее и слабее всех шайтан;
Но глухо к лести было сердце аллаха.
И тень печали ложилась на глаза его.

Сошел аллах сам на землю. После долгих поисков нашел Ленина. Убедился в его находчивости и уме. Понравились аллаху ответы Ленина на заданные вопросы.

Самый сильный — самый умный, кто пользуется любовью мира.
Самый счастливый — самый честный, кто дал счастье многим.

Самый несчастный тот, кого не любит никто.
Увидел аллах, что велик по уму человек,
Что в его руках не пропадет дело освобождения,
Взял он его в свои чертоги и там держал 50 дней и 50 ночей,

Передал ему часть своей мудрости
И послал его на землю.
Избранника звали Ленин.
Ленин пошел на землю в блеске своей мудрости
И сразу прекратил кровопролитие
И сделал людей счастливыми.
Потом он ушел отдыхать в чертоги аллаха,
Оставив землю освобожденной и счастливой,
И имя его будет жить, пока живет слово счастье.

Здесь много противоречий: всесильный мудрый аллах в беспомощном состоянии рыдает.

Примиренчество по отношению к религии в народных массах Советского Востока слабеет буквально изо дня в день. Не только под влиянием проникающих в аул, кишлак, новых форм интенсивного хозяйства, усиливающейся классовой борьбы на основе развивающегося классового расслоения деревни восточных окраин СССР, но и на основе той политической активности, которую там проявляет, в первую очередь, организованная беднота и батрачество. В ряде мероприятий, проведенных и проводимых партией и советской властью на Советском Востоке, активное участие батрачества и бедноты показало, что аул и кишлак начинают по серьезному понимать классовую сущность религии. К таким фактам относятся: перевыборы советов, борьба с кулачеством, конфискация байских земель, успехи антирелигиозной работы в ауле,

земельно-водная реформа и конфискация вакуфных земель и т. д. и т. п. Перелом совершился несомненно. Этот перелом значительно в слабом виде передается в устном творчестве. Мы обращаем внимание на следующее четверостишие:

Молния, гром. Поет киргиз:

Эта молния из глаз Ленина,
Выгоняющего из рая души богачей.
Сейчас в раю большой шум —
Ленин бьет всех палкой!

Иного способа воздействия на кулачество, байство, кочевник в эту пору не смог припомнить, кроме побоев палкой. Понятие рая еще остается с некоторым, правда, модернизированным содержанием. Естественно, что такое смешение понятий и терминов еще в той или иной мере перебрасывает мост между религиозностью и антирелигиозной пропагандой. Но этот мост весьма не прочен, чтобы удержаться надолго. Если уже в сознании дехканина оформилось то, что в раю также выгоняют баев, манапов и вообще всех эксплуататоров, значит, можно с уверенностью сказать о переломе, так как сочувствие дехканина здесь не на стороне эксплуататора.

О последнем свидетельствуют песни, диалоги, встречающиеся в далеких окраинах обширного Союза ССР.

...Второй певец. Мы споем вам о Ленине!
Это имя знает всякий —
От старика до ребенка.
Это имя для уставших
Подобно крепительному напитку,
Для умирающих — живительному байзану.

Второй певец. Люди, слушайте! Не об Али,
сильном и могущем,

Будем петь мы сейчас,
Ибо что Али по сравнению с Лениным?
Песчинка перед барханом
Козыжка перед слоном!

Второй певец. Не о Тимуре споем мы вам.

Ибо Тимур перед Али,
Тоже, что Али перед Лениным.
Равнять же Тимура и Ленина
Не дерзнет ничей язык!
С кем из людей, живших и живущих,
Дерзнет язык мой, бедный и усталый,
Сравнить солнце мира — Ленина?
Ленина, который в блеске гнева и силы
Прошел, разрушил и снова создал все!
С кем я могу сравнить светильник земли?
Ни с кем. Таких не было!
Таких нет!
Таких не будет!

Не повторяет земля два раза таких людей.

В заключение приведем последний отрывок,
в художественном отношении не представляющий
ценности, но по содержанию заслуживающий вни-
мания:

Прошло времечко ишана, муллы и бая,
Для нас Октябрь — мед,
Для них — яд.

(Из Туркменской народной песни.)

Кто это поет?

Мы привели только несколько отрывков, дающих
весьма неполное представление о том громадном
социальном сдвиге в быту народов Советского Во-
стока, происшедшем после Октябрьской революции
по вопросу о религии. Успешное наступление социа-
листического сектора народного хозяйства на капи-
талистические элементы, ликвидация экономических,
бытовых и культурных пережитков патриархальщины

и феодализма, политическая активизация беднячко-
средняцких масс крестьянства восточных окраин
Союза ССР окончательно уничтожат примиренче-
ство. А этот день не за горами.

* * *

Эта книга имела в виду выявить основные образцы
эпоса Советского Востока в их дореволюционном
и послеоктябрьском оформлении. Тот материал,
который нами здесь проиллюстрирован, далеко не
исчерпывает всего богатства дооктябрьской и после-
революционной народной словесности. Революцион-
ный эпос Советского Востока выявляется пока
локально и он не определил еще своего художе-
ственного и идеологического лица в полном объеме.
Необходима длительная исследовательская работа
в этой области, чтобы собрать образцы народного
эпоса в многочисленных восточных республиках и
областях Союза и проследить те пути, по которым
развивается этот вид художественного творчества.
Мы поставили себе в этой книге пока задачу сде-
лать только в очерковом порядке некоторую наметку
на предмет определения наиболее характерных черт
дореволюционного и послеоктябрьского эпоса. Ряд
приведенных нами образцов свидетельствует об
огромном социальном сдвиге в самом содержании
эпоса Советского Востока. Песни, легенды и ска-
зания о Ленине, Октябрьской революции и гра-
жданской войне, свидетельствуют, что в недрах
широких масс Советского Востока произошел по-
длинный переворот в смысле всего отношения
к действительности. Корни этого переворота нужно,
конечно, искать в тех экономических изменениях
(конфискация байских и вакуфных земель, земельно-

водная реформа и т. д.), в первую очередь, и в социально-политических сдвигах, произведенных Октябрьской революцией, и проводимой национальной политикой Советской власти.

Об этих сдвигах говорят те образцы устного народного творчества, которые нами приведены в тексте. Устное творчество Советского Востока с каждым днем обогащается новыми песнями. В этих песнях мы находим отражение всего того, что происходит на Советском Востоке (индустриализация, электрификация, применение трактора, проблемы культурной революции и т. д. и т. п.). В этих новых песнях все больше и больше оформляется идеологическая четкость и классовая непримиримость. Недалек день, когда революционное народное творчество республик и областей Советского Востока будет изучено и соответствующим образом оценено.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. РУКОПИСИ

1. Д.З. ГАТУЕВ. — „Чеченский эпос“.
2. А. МАКСУЛА. — „Остяцкая песнь о Ленине“.
3. А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ. — „Туркменская женская лирика“.
4. Л. В. СОЛОВЬЕВ. — „Ленин в творчестве народов Средней Азии“. Сборник сказаний, легенд и песен с киргизского, таджикского, узбекского и уйгурского языков.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ, МОНОГРАФИИ. ОЧЕРКИ

1. RICHARD WAGNER. — „Siegfried“.
2. А. ТШОБАНИАН. — Les plus belles chansons de Djivani (Le grand poète populaire Arménien). Paris, 1919.
3. А. АРШАРУНИ. — „Ленин в творчестве народов Востока“. Вестник Коммунистической Академии № 31, 1929 г.
4. Г. БЕКОЕВ. — „Возникновение осетинской письменности и ее развитие“. Известия Осетинского ин-та Краеведения № 1.
5. Н. БРЮЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ. — „Страницы туркменской поэзии“.
6. С. ВЕЛЬТМАН. — „Революционный эпос Советского Востока“. „Новый Восток“ № 26—27, 1929.
7. Л. И. ЖИРКОВ. — „Новая аварская песня“. Дагестанск. Сборн. № 3.
8. А. К. КОНЧЕВСКИЙ. — „Прошлое и настоящее в песнях Крыма“. Сборник „Крым“.
9. В. Ф. МИЛЛЕР. — „Русские былины, их сказители и исполнители“.
10. Г. Н. ПОТАНИН. — „Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе“.

11. А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ. — „Стихотворный ритм голенских народных песен“. Ашхабад, 1928 г.
12. ЕГО - ЖЕ. — „Собрание туркменского фольклора“. Журн. „Туркменоведение“ № 2—3.
13. Поэзия Армении. Под редакцией В. Я. Брюсова. Москва, 1916 г.
14. А. Н. САМОЙЛОВИЧ. — „Очерки по истории туркменской лит.-ры“.
15. Х. САМУЕЛЯН. — „Труд в армянских народных песнях“ (на арм. языке). Журнал „Гехарвест“ № 2 за 1908 г., № 3—1909 г. Тифлис. Газ. „Мартакоч“ №№ 39, 40, 41 за 1927 г., Тифлис.
16. Л. СЕМЕНОВ. — Ингушская и чеченская народная словесность. Изв. Ингушск. Научно-Иссл. И-та Краеведения № 1.
17. М. СПЕРАНСКИЙ. — „Русская устная словесность“. Москва, 1917 г.
18. А. ТАХО-ГОДИ. — „Революция и контр-революция в Дагестане“. Махач-Кала, 1927 г.
19. М. С. ТУГАНОВ. — „Кто такие нарты“. Известия Осетин. Научно-Иссл. И-та Краеведения.
20. В. УСПЕНСКИЙ и В. БЕЛЯЕВ. — „Туркменская музыка“.
21. И. ФРОЛОВ. — „Песни бахши сегодня“. Журнал „Туркменоведение“ № 4.
22. Проф. ХАЛАТЯНЦ. — „Давид Сасунский“. Сборн. „Братская помощь Армянам“, 1893.
23. Об АШУГАХ: 1) „Литературная энциклопедия“ т. I. 2) В. Я. Брюсов — Предисловие к сборнику „Поэзия Армении“. 3) П. Макиндиан — „Очерк армянской литературы“ в сборнике „Армянской Литературы“ под редакцией М. Горького. Петроград, 1916 г.

III. ОБРАЗЦЫ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

1. С. М. ОВЕЗБАЕВ. — „Туркменские поговорки“.
2. „Памятники народного творчества Осетии“.
3. Л. СОЛОВЬЕВ. — „Ленин в эпосе народов Средней Азии“:
 - а) „Красная Новь“ № 6, 1926 г.
 - б) „Советская страна“ №№ 1 и 2.
 - в) „Прожектор“ № 3, 1929 г.
 - г) „Правда Востока“, 1925—1926 гг.

4. ТВЕРИТИН. — „Коза-Корпеч и Баян-Слу“.
6. ТУМАНЯН Ов. — „Сасунци Давид“ (на арм. языке).

IV. ЛЕНИН В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

1. АКОП-АКОПЯН. — „Новое утро“. ГИЗ, 1928.
2. АЛАЗАН. — „Архитектор“. „Сов. Страна“ № 3, 1929 г.
3. „Закавказские поэты Ленину“ — сборник стихов армянских, азербайджанских и грузинских пролетарских и революционных поэтов. Тифлис, 1924 г.
4. ИЙЛЬ ОГЛЫ НАСРЫЛИ. — „Ленин“. Газета „Туркменская Искра“, 1929 г.
5. Е. ЧАРЕНЦ. — „Ленин и Али“.

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВ

1. А д а т — обычай.
2. А к ы н — певец-импровизатор. В настоящее время это слово употребляется для обозначения понятия поэт.
3. А к - ч у а л ь ч а к — белый червь.
4. А л и — легендарный узбекский богатырь.
5. А л л а х — бог.
6. А м а н а т — заложник.
7. А р б а к е ш — человек, управляющий арбой.
8. А р з а — прошение, жалоба.
9. А р ы к - а к с а к а л — смотритель арычных систем.
10. А р х а д а ш — товарищ.
11. А ш у г — народный певец.
12. Б а й г и — скачки с призами.
13. Б а й р а м — праздники, связанные с личностью про-рока.
14. Б а й — дворянин.
15. Б а р х а н — песчаный холм.
16. Б а к с и — кудесники.
17. Б а х ш и — народный певец-импровизатор в Туркмении.
18. Б и й — судья времен обычного права.
19. Б е к — дворянин.
20. Г а з а в а т — война за веру против неверных.
21. Г а ф и з — народный певец-импровизатор у народов Средней Азии.
22. Г у т а н — тип сохи, употребляемый в армянских районах. Он отличается своей громоздкостью. Запрягается, обычно, 7—8 пар быков или буйволов.
23. Д е х к а н — земледелец.
24. Д ж е й р а н — дикая коза, лань.
25. Д ж и г и т — наездник.
26. Д е р в и ш — странствующий монах-нищий.
27. Д о м р а — музыкальный инструмент вроде балалайки.

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВ

28. Д у ш м а н — враг.
29. З и к а р а т — молебен.
30. И м а м — духовный и светский глава мусульман.
31. И с л а м — магометанство.
32. И с к а н д е р — 1) Александр Македонский, 2) Александр Ульянов.
33. И с с ы к - Т а у — горячая гора.
34. И ш а н — духовное лицо.
35. К а д и й — судья по шариаду, духовное лицо.
36. К а р а - т а ш — черный камень.
37. К а р а - а д а м — черный человек.
38. К и з ы л - т а ш — красный камень.
39. К у ч у к - а д а м — собака-человек.
40. М а й д а н — площадь, базар.
41. М а р а л — олень.
42. М а ч к а л — землепашец.
43. М е д ж л и с — заседание, совет.
44. М е ч е т ь — храм у мусульман.
45. М у л л а — духовное лицо у мусульман.
46. М ю р и д — последователь сектантского вероучения.
47. Н а м а з — молитва.
48. Н у к е р — слуга.
49. О к - и л е н — змея-стрела.
50. О к - т а ш — белый камень.
51. О т а х — слуга, пастух.
52. О р о в е л — цикл армянских сельскохозяйственных песен в устной поэзии.
53. П а д и ш а х — государь.
54. Р а д ж а — князь.
55. С а з — музыкальный инструмент.
56. С а к л я — дом у горцев.
57. С е р д а р — наместник, полководец.
58. С л у — красавица.
59. С у ю н ч и — обычай делать подарки за необыкновенно радостную весть.
60. Т и м у р — Тамерлан.
61. Т а к е м е т — кошомный ковер кустарного производства.
62. У з д е н ь — член княжеских дружин.
63. Х а д ж и — мусульманин, побывавший в святых местах.
64. Х а л и ф — наместник Магомета, олицетворяющий верховную духовную и светскую власть.
65. Х а н — князь.
66. Х а с а в а - н ю — сын мой.

67. Х е р а д ж — земельная рента, определяемая по шариату в пользу правительства в размере $\frac{1}{10}$ части урожая.
 68. Х у д о й - Б о л а — божье дитя.
 69. Х н о ц и — маслобойка ручная.
 70. Ч а й х а н е — чайная.
 71. Ч а х а р а к — ручной прядильный станок.
 72. Ш а й т а н — бес, злой дух.
 73. Ш а р и а т — религиозное и гражданское законодательство у мусульман.
 74. Ш а х — царь.
 75. Ш е й х, — духовное лицо у мусульман, глава секты.
 76. Э м и р — верховное духовное и светское лицо в мусульманском государстве.
 77. Ю р т а — палатка.
 78. Я м а о - Х е - Х е — легендарный герой.
 79. Я ш а с у н — да здравствует.



ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Часть первая.	
Дореволюционный эпос	7
Особенности восточного эпоса	14
Трудовые песни	20
Поэзия степей и песков	34
Туркменская женская поэзия	40
Борьба горцев Кавказа и их творчества	46
Часть вторая.	
Революционный эпос	66
Октябрьская революция и Ленин	79
Смерть Ленина в устном творчестве	99
Классовое лицо революционного эпоса	104
Религиозные и антирелигиозные мотивы	111
Библиография	125
Объяснение слов	128



